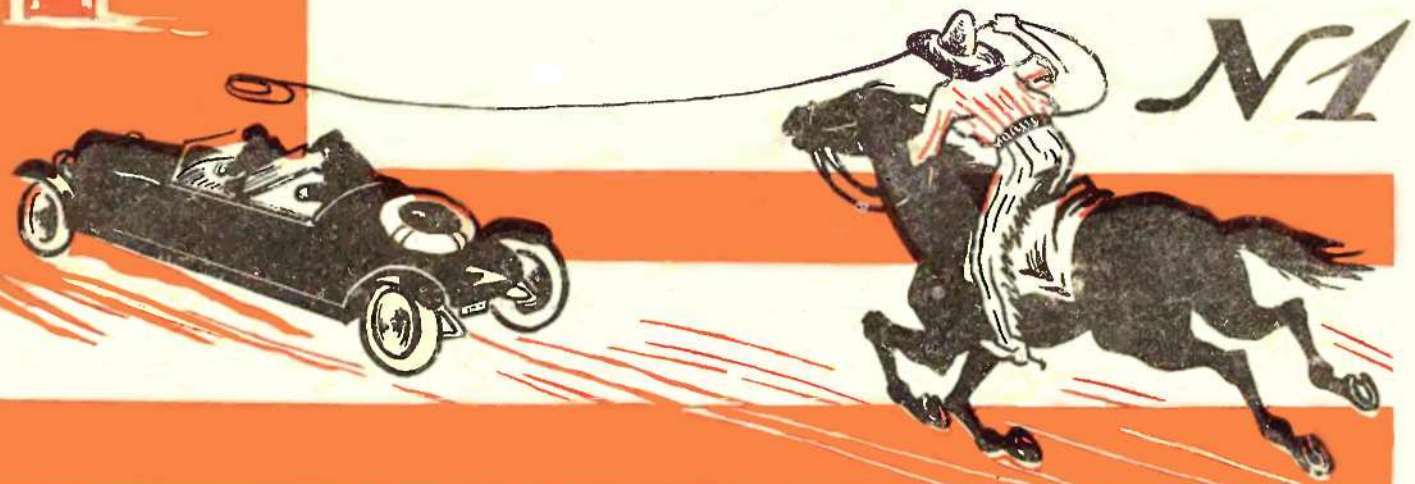
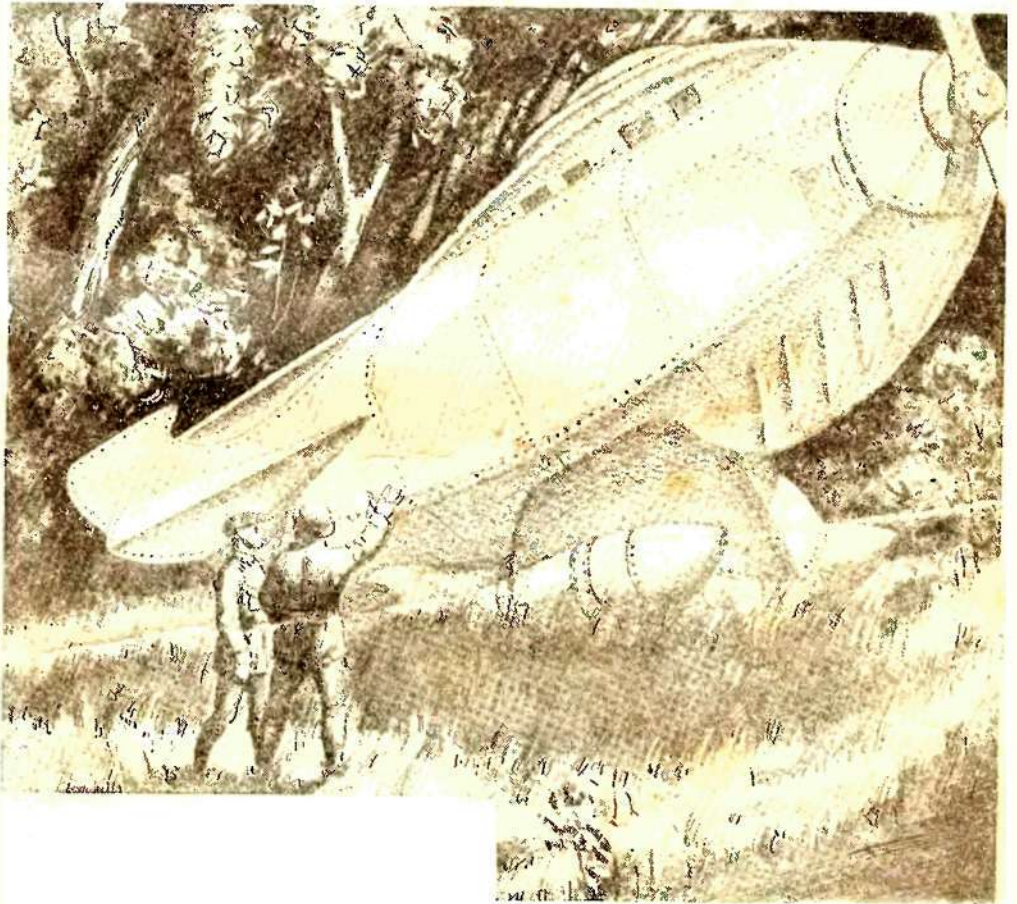

Вокруг Света

Что „Вокруг Света“
дал своим читателям за 1927 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА
РУССКАЯ ИНОСТРАН.

ПРОИЗВ.
80.

СТРАНИЦ
474.

ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА

8 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ КНИГ.

1500 СТРАНИЦ ТЕКСТА

Подписная цена 2 р. 50 к.

ПРОИЗВ.
ПОЛИТ. -
СТАТЬИ 219

ПРОИЗВ.
8.

ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

ДЖЕМСА

КЭРВУДА

8 КНИГ

1500 СТРАНИЦ

ТЕКСТА

С МНОГО-

ЧИСЛЕННЫМИ

ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ПОДПИСНАЯ

ЦЕНА

2 р. 50 к.

В
1928 г.

НОВЫЕ

ДОБАТОЧНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ИЗВЕСТНОГО

АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

А. КОНАН-ДОЙЛЯ

ВОСЕМЬ

БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ

КНИГ,

1700 страниц текста

Подписная цена 3 рубля

ПРОИЗВ.
10

СТР.
22½

ИСТОРИКО-
РЕВ-ОЦЕРН

ПРОИЗВ.
30

ПРОИЗВ.
24

СТР.
56½

НАУЧНО-
ПОПУЛ.
ОЦЕРН

ТЕХНИЧЕСКИЕ
НОВОСТИ
(ЗАМЕТКИ)

СТР.
40½

ПРОИЗВ.
22

СТР.
34

ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ
И АВИАЦИЯ

ПРОИЗВ.
30

СТР.
46

О ЖИВОТНЫХ
И ОХОТЕ

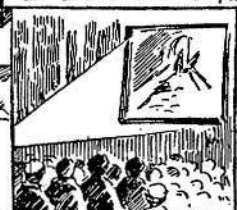
КИНО

ПРОИЗВ.
7.

СТР.
13

ПРОИЗВ.
11

СТР.
15

СПОРТ

Каждый подписчик „ВОКРУГ СВЕТА“ может подписаться на любое собрание сочинений указанных трех авторов.

Заказы и деньги направлять непосредственно в издательство: Ленинград 2, Фонтанка 57, „Красная Газета“

Подписавшиеся на всех трех авторов — уплачивают за них СЕМЬ РУБЛЕЙ со следующей рассрочкой: при подписке — 3 руб., к 1 апреля — 2 руб. и к 1 июня — 2 руб.

Сочинения трех указанных авторов в отдельной продаже будут стоить 16 рублей.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

Вокруг Света

№ 1

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лгр., Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

1928 г.
ЯНВАРЬ

8

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: „Нашим читателям“.— Л. Лебедеко. За „Райльстар“.— Б. Роттей. „Котловина призраков“.— Л. Ж. Ж. „Стальной замок“.— Х. Лендикстер. „Самая пора“.— М. Ильин. Будущее автомобиля. * * * „Как ловят слонов“ и т. д.

Нашим читателям

«Человек без нервов». Гарри Пиль в новой трюковой драме.

Стосвечный «Осрам» вырывает из тьмы яркий круг. В потоках электрического света с афиш глядит бритое лицо «бесстрашного Гарри». У входа в кино — толпа.

В зале полумрак и тишина, нарушаемая только легким стрекотом кино-аппарата. В одном из первых рядов сидят, прижавшись друг к другу, четверо молодых ребят и жадно смотрят на экран, где трюк сменяется трюком, где Гарри выходит из одного безвыходного положения только для того, чтобы немедленно попасть в другое, еще более безвыходное. Вот он со спутницей на воздушном шаре, уносимой бурей в открытый океан

домой, на рабочую окраину. Они все еще под впечатлением виденного.

Их путь идет через большой мрачный пустырь. Жутко. Вдруг впереди огненной точкой мелькает свет папиросы. Огонек приближается, — кто-то идет навстречу. Не «сговариваясь, повинувшись одному общему порыву, четверо бросаются вперед. Несколько сокрушительных ударов, глухой вскрик. Папироска, описав

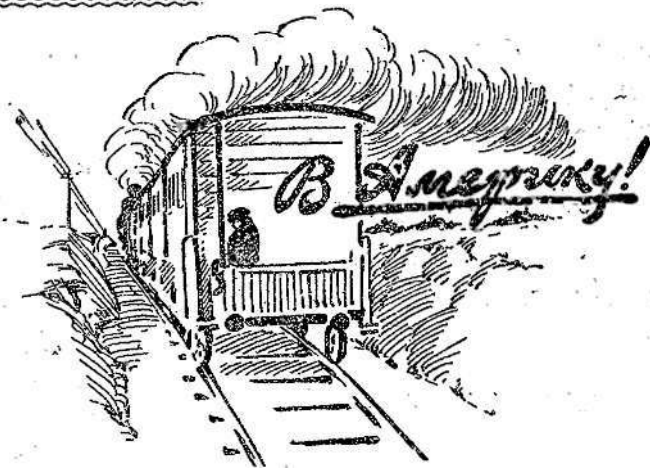

Газ на исходе, шар опускается все ниже и ниже. Бурлит и клокочет седой океан, сердитые валы лижут хрупкую корзинку. Гарри в воде... У зрителей замирает сердце. Но показывается шляпка, все спасены, Гарри торжествует.

Сеанс кончился. Четверо лениво встают, с неохотой покидают Зал и медленно идут по меркнувшим улицам

полукруг, падает на землю и гаснет. Топот убегающих ног. На пустыре тихо, затем раздается стон, человек медленно встает и неверными шагами бредет к освещенным улицам.

Ночь. На улицах небольшого провинциального городка ни души. В одном «в домов на окраине города скрипит выходная дверь. В нее проскальзывает темная.

фигура и, прячась в тени заборов, направляется к вокзалу. Через час поезд увозит тринадцатилетнего беглеца из родного города. В сумке у него географический атлас, маршрут до Владивостока, русско-немецкий...словарь и девять рублей денег. В А-ме-ри-ку... В А-ме-ри-ку... отстукивают колеса поезда. Мысли роем летят в сказочную страну прерий и пампасов навстречу бронзоволицым героям Майн-Рида и железным охотникам Купера.

Через неделю в больнице Ново-Сибирска появился новый больной. Его сняли с тормозной площадки товарного поезда, насквозь пронизанного холодным дождем, измученного, еде держащегося на ногах...

— Ну, что ж, — скажет, быть может, кое-кто из наших читателей. — Вред приключенческих фильмов и приключенческой литературы ясен... Ведь таких примеров можно привести очень много.

Он будет прав, этот читатель, но прав только частично, только в известном смысле. Вред приносят буржуазные трюковые фильмы и старая приключенческая литература. Буржуазия создала приключенческую литературу, целиком приспособленную к интересам своего общества. Железные законы капиталистической конкуренции, этой «борьбы всех против всех», требуют в буржуазном обществе людей жестких, изворотливых и не разбирающихся в средствах — старая приключенческая литература создала культ подобного героя. В буржуазном обществе хорошо может жить только богатый, — старая приключенческая литература облагородила борьбу за золото, сделала эту борьбу уделом всех сильных и смелых. Буржуазии передовых стран нужны рынки, нужны колонии, — старая приключенческая литература сделала благородным героем империалиста-завоевателя, поработавшего, уничтожающего и разлагающего целые народы, так называемых «дикарей». Почти вся старая приключенческая литература именно такая — насквозь лживая, насквозь лицемерная.

В наших условиях эта литература разжигает нездоровые авантюристические настроения, отвлекает от живой романтики наших дней в вымышленный, лживый мир ковбоев, «охотников за черепами», «благородных» сыщиков и «великодушных» колонизаторов. Она воспитывает в нас нездоровую тягу к «приключениям», которая в наших условиях в решающем большинстве случаев не может найти себе естественного выхода и выливается в различных уродливых эксцессах, вроде описанных нами в начале статьи.

Но значит ли это, что надо вообще поставить крест на *всякой* приключенческой литературе? Нет, совсем нет. Мы все любим читать приключенческие и научно-фантастические повести и романы, все любим провести

отдых с хорошей приключенческой книжкой в руках. В основе этой любви лежат *здоровые* запросы, *здоровые* желания... Но у нас должна быть — и уже есть — *своя новая* приключенческая литература. Не культ героев золотого мешка, не облагораживание колонизаторов, сыщиков и авантюристов ее задача. Мы живем, в боевую эпоху, грозную и радостную в одно и то же время. Нам незачем выдумывать приключения и героев. Они кругом нас. Нам незачем лгать и извращиваться, облагораживать подлецов и делать белое черным, а черное белым. Мы освобождаем, а не угнетаем. Бодрой, радостной и боевой должна быть наша приключенческая литература. Она должна вселять в нас уверенность в наши силы, бодрость и радость победы, должна звать против угнетателей, воспитывать ненависть к ним. Показать романтику титанической борьбы сотен миллионов угнетенных за свое освобождение, дать героиню нашего строительства, познакомить нас с далекими странами, провести читателя по всему земному шару, показать, как труд человека, тяжелый и упорный, побеждает природу, познакомить читателя с достижениями научного гения и повести его в прошлое и будущее человечества, — вот истинные, подлинные задачи *нашей, новой* приключенческой литературы.

Мы все знаем по себе, какое огромное воспитывающее влияние имеет на нас литература. Для новой жизни и для борьбы за эту жизнь нужны сильные, бодрые люди, со стальной выдержкой и трезвым умом. В воспитании этой когорты строителей боевого настоящего и радостного будущего приключенческая литература должна сыграть и сыграет немалую роль.

До 1927 года в системе наших юношеских журналов был пробел: не было массового приключенческого журнала, журнала революционной романтики и научной фантастики. «Всемирный Следопыт» и «Мир Приключений», издававшиеся по типу ежемесячных альманахов, не могли, конечно, заменить подобный журнал. Этот пробел заполнил «Вокруг Света». Целиком исходя из обрисованной выше принципиальной разницы между старой и новой приключенческой литературой, мы стали строить наш журнал, внимательно прислушиваясь к голосу читателей, из номера в номер «внося поправки, улучшения и дополнения, привлекая к участию в журнале новые, молодые литературные силы.

Правильность линии, взятой нашим журналом, доказывают сотни писем, полученных редакцией от наших читателей. Журнал проник в самые широкие слои читающей молодежи — от фабзайца до второстепенца. «Вокруг Света» читают в самых глухих медвежьих уголках пашей страны. Мереу растущей популярности журнала дает его тираж: мы начали в 1927 г. с 30 тысячами читателей, мы вступаем в 1928 г. — с 125 т ы с я ч а м и . .

Начиная с этого номера, «Вокруг Света» будет выходить еженедельно. Это целиком отвечает единодушному требованию всех читателей. Мы значительно увеличиваем освещение вопросов спорта, охоты и рыболовства, здорового отдыха. Мы вводим ряд новых отделов, за создание которых высказались наши читатели. Еще в большей степени, чем в прошлом году, мы будем уделять внимание освещению гигантской, полной захватывающего героизма, борьбы угнетенных со своими поработителями, которая потрясает сейчас мир. Еще в большей степени, чем в прошлом году, мы будем освещать насыщенный пафосом борьбу за строительство новой жизни в нашей стране, борьбу человека со стихиями и его трудовые победы над ними, достижения науки, новые открытия и путешествия.

На пороге нового года—нашим читателям привет!

Рассказ П. ЛЕБЕДЕНКО.

Рисунки НИКИТИНА.

(Из повести "Четыре ветра", выходящей в изд-ве "Московский рабочий").

Солнце быстро погружается в синие волны Индийского океана. Через пять минут горячий, день сменит горячая тропическая ночь. Ветра нет, но море не спокойно: когда же бывает спокоен Индийский океан? Берега Малакки в дымке тумана высятся на севере выходящими из воды громадами.

«Рояль-стар», башнеподобный гигант, идет рейсом Коломбо-Сингапур.

Кончился скучный день, который нужно проводить в каютах, хотя бы и в этих королевски разукрашенных бонбоньерках, так как на палубе раскалено все до последнего винта, и даже к дереву нельзя прикоснуться рукой. Жуткие часы, когда джентельмены неловко чувствуют себя, ежечасно меняя крахмальное белье, а леди скучают, развалившись в лонг-шезах, боясь шевельнуться, с маленькими томиками, переплетенными в кожу, в руках. Теперь все считают своим долгом выйти на палубу проводить солнце. Оно исчезнет, и сейчас же начнется ночь.

Гигантский пароход, чудо строительной техники, карнавалом огней пойдет под черным бархатным небом, украшенным Южным Крестом и созвездием Рака. Все одиннадцать этажей заляются электрическим светом, в салонах загремит оркестр и пары пойдут, раскачиваясь под звуки шимми, каждые десять минут, покидая зал для удобных кресел на верхних палубах, где в полутьме от матовых лампированных разбросаны столики, а мальчишки-китайцы и негры во всем белом разносят коктейли, мороженое, шери-бренди и сода-виски.

Все давно уже знакомы. Подтаяла ледяная чопорность и тонкие нити флирта соединили молодежь, едущую из туманной Англии в порты Китая и цветущей Японии.

Индийские заслуженные чиновники, с холеными бакенбардами, бритые дипломаты, полные дамы с откинутыми назад широкими плечами, украшенными крупным жемчугом, молодые девушки, едущие за колониальными женихами, профессор-индус, высокий и молчаливый, как йог, суетливые японцы, стремящиеся подражать англичанам; французский полковник, едущий в Сайгон, группа китайских купцов и какой-то аристократ китаец с дочерью — высокой и тонкой, как побег бамбука. Когда она танцует с огромным американцем

в белом «обезьяньем жакете», то кажется, что у него на шею повисла узкая шелковая лента с яркими золотистыми краями.

Здесь наверху только избранная публика, которой доступны цены роскошных пароходов-дворцов. Дальше вниз в глубину вместительного чрева парохода, можно сойти по широким лестницам с брошенными на них толстыми коврами, в которых так приятно утопают лаковые туфли, по коридорам блестящим от бесконечных ламп, тысячу раз отраженных в полировке красного дерева и в серебряных озерах зеркал. Здесь разбросаны уютные салоны, уголки, уставленные глубокими креслами, крытыми холодающей кожей, здесь старики играют в бридж и затейливую китайскую игру «мачжан», распространяющуюся сейчас по всему свету.

Молодые люди во фраках, со свежими цветами из пароходных оранжерей в петлицах, слоняются без толку по бесконечным лестницам и переходам в поисках приятных встреч и случайных знакомств.

От столика к столику, из салона в салон течет эта бесконечная струя, скученных на небольшом пространстве людей, обставленных всеми благами комфорта и техники, всей прихотливостью роскоши больших пароходных линий.

На самой верхней палубе, в стороне от всех, в легком бамбуковом кресле сидит молодой человек, типичный англо-сакс, с упрямым подбородком и хищным носом, с обязательной сигарой во рту. Тент колыхнется над ним, не открывая часть бархатного полога южного ночного неба. Матовый лампированный бросает мягкий, боковой луч света на одну часть кресла. И в этом луче крупными жирными буквами застыл уголок газеты с каким-то причудливыми широковещательными объявлениями.

Неслышными шагами, на толстых резиновых подошвах, мчит к нему по узкой палубе, лентой обезавший капитанский мост, человек в форме судового телеграфиста.

— Сэр, вам опять радио-телеграмма!

— Благодарю! — небрежный кивок, тело не меняет позы и только рука англичанина протягивается за телеграммой.

Телеграфист исчезает и теперь можно заметить, что все англо-саксонское спокойствие не в состоянии замаскировать, если не тревогу, то значительный интерес к нескольким словам на узком клочке бумаги.

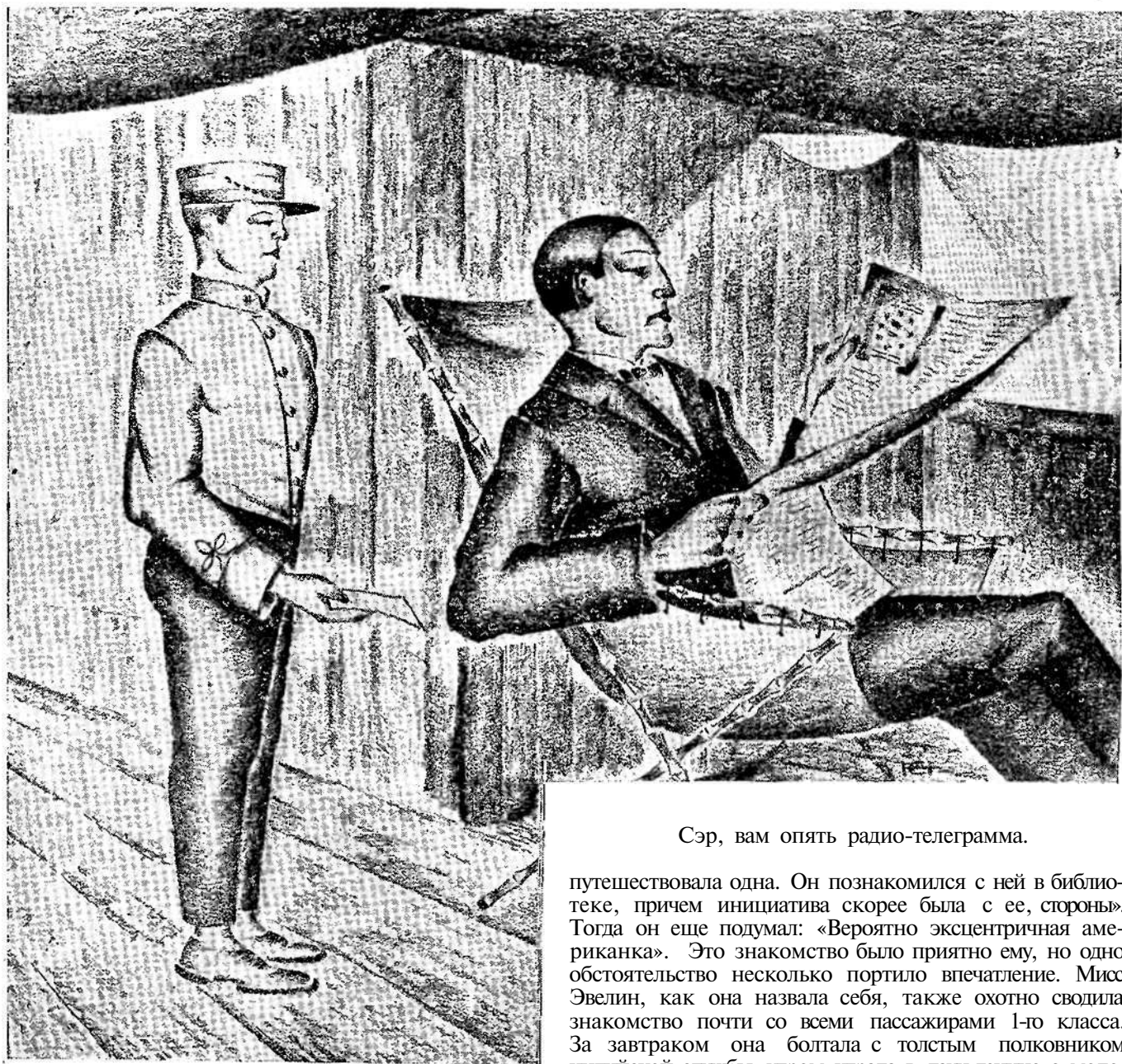
«Продолжайте путь Шанхая. Дальнейшие инструкции радио».

Теперь, по крайней мере, все ясно. Впрочем это было ясно и прежде. Стоило из этого делать тайну.

Молодой человек встал навстречу пришедшей.

— Неправда-ли созвездия южного неба гораздо эффектнее наших северных? — заговорила она, спокойно усаживаясь в кресло и обмахиваясь веером.

Молодой человек подумал: «Однако, какая точность! Не успел я прочесть телеграмму, как эта фея уже здесь!» и он стал внимательно разглядывать соседку. Породистые узкие руки, несколько сухие ноги, рыжие волосы и очаровательная окраска щек. Она

Сэр, вам опять радио-телеграмма.

Молодой джентльмен тщательно обследовал еще раз узкую полоску бумаги. Телеграмма была отмечена Калькуттой, сегодняшним днем.

Почему, все-таки, такие предосторожности на английском пароходе, в пределах Британской империи. Он хорошо знал, что телеграмма из Лондона и, казалось, незачем было ее передавать через Калькутту, помечая индийскую столицу исходным пунктом.

Легкие шаги заставили его быстро спрятать клочок бумаги в боковой карман. Из полутьмы в круг света от ближайшего лампона вышла высокая, стройная англичанка, с развитыми плечами и крепкими обнаженными руками, выдававшими в ней новую породу женщин-спортсменок.

путешествовала одна. Он познакомился с ней в библиотеке, причем инициатива скорее была с ее стороны. Тогда он еще подумал: «Вероятно эксцентричная американка». Это знакомство было приятно ему, но одно обстоятельство несколько портило впечатление. Мисс Эвелин, как она назвала себя, также охотно сводила знакомство почти со всеми пассажирами 1-го класса. За завтраком она болтала с толстым полковником индийской службы, утром играла в лаун-теннис с молодыми американцами, днем плавала в бассейне с японскими студентами, ловкими, прекрасными пловцами, а вечером прижималась в фокс-тротте к широкоплечему английскому капитану, ехавшему в экспедиционный корпус в Шанхай. Такая развязность несколько охладила первое приятное впечатление, но он все-таки не упустил ее из виду, и вот однажды... Это было вечером накануне прихода в Калькутту. Толстый полковник сидел в кресле на верхней палубе, тяжелококетничая с молодой мисс. Сам он был в это время в любимом кресле, полускрытом в тени, и видел совершенно отчетливо, как она, незаметно для собеседника, старалась то веером, то просто рукой подвинуть к себе телеграмму, которую полковник получил по радио,

повидимому из Бомбея, равнодушно прочел и небрежно бросил на стол.

Наконец, выбрав удобный момент, когда по близости не было ни одного лакея, она томным голосом заявила о том, что ей жарко и она охотно выпила бы чего-нибудь холодного. Осмотревшись несколько раз по сторонам и не видя слуг, полковник поднялся, чтобы пройти к соседнему салону. Тогда мисс Эвелин хищно схватила телеграмму, быстро прочла и положила на место, равнодушно играя веером.

— Шпионка! — подумал он. — Англичанка-шпионка, следит за индийским полковником и теперь, повидимому, за мной.. Непонятно! Кто может быть в этом заинтересован? Неужели — двойная игра или страховка?! — И он быстро «перебрал в памяти все происшедшее с ним за последние недели.

Его звали Аллан Каттоу. По профессии он был журналист, темпераментный горячий мастер газетного слова, с достаточной долей энергии и предприимчивости, которая всегда выделяла его из серой среды его товарищей. Он работал в большой лондонской газете, имевшей возможность держать разездных корреспондентов, то всему миру. Страсть к путешествиям и приключениям толкнула его именно по этому пути. Первое большое путешествие он совершил по Африке, пройдя от устья Конго до верховьев Нигера, и критика благоприятно встретила его блестящие фельетоны и большую книгу, посвященную африканской экспедиции.

После этого его послали в Китай. Он побывал в горячем беспокойном Кантоне, поднялся по Ян-Цзе-Цзяну до Чункина посетил столицу китайского буддизма Ланчжоу, и на этот раз привез на родину блестящий патриотический памфлет, в котором смежу издевался над слабостью нынешней английской позиции в Китае, недостойной великой империи. Он указывал на быстрый рост японского влияния и американской торговли, причем особенно напирал на то, что высокомерие англичан, попавших на китайскую почву, обяывает их к некоторой лени, стесняет в средствах и приемах борьбы, тогда, как японцы ловки, подвижны, проникают в толщу китайской массы и не стесняются в методах, ради процветания империализма страны Восходящего Солнца.

На этот раз на него было обращено внимание не только критики, но и несколько иных сфер. Через две недели после приезда из маленького шотландского городка, где проживала его мать, в Лондон, он получил через редакцию официальное предложение явиться в хорошо известный ему дом по Доунинг-Стрит.

Аллан был не мало смущен приглашением. Представительный швейцар посмотрел на пригласительную бумажку, указал ему путь и, скользнув в быстром лифте, а дальше пройдя по темному коридору старого здания, Аллан оказался перед дверью, за которой находился кабинет заведывающего Отделом Дальнего Востока Министерства Иностранных Дел.

Важный сановник принял Аллана чрезвычайно любезно, приказал никого не впускать и подошнул Аллану ящик с сигарами. Аллан понял, что беседа будет долгой и интимной. Эти полчаса, проведенные в кабинете одного из руководителей английской политики, он охотно вспоминал в душевные ночи на пароходе, когда внезапная поездка на Восток «казалась ненужной и нежеланной.

— Вы проявили в Китае зоркий глаз и умение делать выводы! — медленно говорил сановник, пуская дым к потолку. — Такие люди нам особенно нужны в нашей колониальной политике. Величие Британской империи всегда строилось на готовности ее сынов итти

на большие жертвы во славу родины. У вас есть желание отличиться... Не возражайте, не возражайте! — перебил он сам себя, — Это как раз не плохо, нужно только уметь сочетать служение собственным интересам с интересами родины.—Повторяю, вы честолюбивы и перед вами открывается путь к большим успехам.

Сановник переменял позу и, склонившись к Аллану, продолжал.

— Поручение, которое мы хотим вам дать, несколько необычное, вернее можно подумать, что оно необычное. На самом же деле такие поручения выполнялись и выполняются всюду, где ведет борьбу англосаксонская раса за первенство в мире. — Это в особенности важно в Китае. Вы сами хорошо знаете, как сложно переплелись интересы различных держав в Восточной Азии. К тому же там сейчас развивают энергичнейшую деятельность агенты Коминтерна. С ними нужно бороться всеми средствами и все средства против них хороши. Вы должны понять это хорошо. Мы не можем сейчас открыто, военной силой действовать в Китае, — как не велики наши интересы в Китае, — для этого еще не настало время, и мы не можем порвать со всем миром. Должна создаться определенная обстановка, и тогда заговорят наши славные пушки, но сейчас это было бы, по меньшей мере, преждевременно. Словом интервенция невозможна, но наказать отдельных зарвавшихся генералов, одернуть в нужный момент, эти революционные банды — бывает необходимо. Для этого нужны не общие, а местные условия, и нужна, понимает-ли ловкость. Британский лев может обнаружить когти и не становясь в гордую позу, но это нужно делать искусно. Конечно, у нас есть обширная агентура в Китае, в этом никто не сомневается, но это техники дела, ремесленники, кроме них, нам нужны еще художники, артисты...

— Провокаторы — дополнил про себя Аллан.

— Вы не подумайте ничего дурного! — продолжал сановник. Прежде всего нужно быть реалистом. Раскройте историю, не ту историю, которую пишут для школ... Я мог бы вам показать много интересного в наших архивах. Документы, которые свидетельствуют о том, что равная часть принадлежала завоевателю Индии Роберту Кляйву и тем, кто незаметно трудился над созданием условий, при которых Роберт Кляйв мог раздавить Великого Могола. А история создания Южно-Африканских колоний, эта замечательная работа великого гения политики, Сесиль Родса, искусственно вызывавшего восстания, чтобы английским оружием подавить их и пройти еще дальше по пути завоевания. В тени каждой великой фигуры прячутся эта на «первый взгляд незначительные, но истинные сыны своей родины, истинные патриоты, которые делали не менее значительное дело. Даже около неподражаемого Нельсона вы видите фигуру талантливой женщины Эмму Лионны, леди Гамильтон.

— Тоже английская патриотка! — подумал Аллан, не чуждый юмора.

Сановник быстро перешел к перечислению всех благ, которые ждут Аллана, в случае успешного выполнения поручений.

В течение всего разговора у Аллана было чувство ненужности этих громких фраз и совершенно лишних увещеваний. Это дело было ему по душе и, благодаря его практическому, как он полагал, характеру, не нуждалось в искусственных оправданиях. Когда он понял, что цена за это дело будет приличная, он, глядя прямо в глаза сановнику, заявил:

— Это меня устраивает!

Его глаза играли холодной усмешкой умного, понимающего свое положение игрока.

КОТЛОВИНА ПРИЗРАКОВ

Рассказ Б. Поттей.

Комиссар его величества короля Великобритании и императора Индии, лорд Нолинг, питал к неграм, получившим законченное образование, особенное недоверие.

— Никогда не знаешь, к чему может привести эта совершенно излишняя роскошь? В случае каких-либо столкновений, никогда нельзя знать, на чью сторону они встанут. Одно достоверно: рано или поздно, их обращение грозит нам большими неприятностями.

— Почему же вы ему разрешили выехать, сэр? — спросил Вульф Холланд, помощник комиссара по управлению африканской «дикой» областью, равной по площади всей поверхности Англии.

Оба джентльмена сидели на веранде обширного бунгало, служившего резиденцией комиссара, и смотрели на отчалившую от пристани большую лодку, держащую путь вверх по реке. На лодке, кроме туземцев-требдов и большого количества багажа, находился мистер Ксенофон Броун — его настоящее имя было Мцу из племени Иганди, — который, закончив образование в Англии, возвращался на родину.

— Я с удовольствием его задержал бы, если бы, мог! — ответил комиссар, когда лодка исчезла за поворотом реки. — Но у него было разрешение, подписанное какой-то крупной птицей из управления колониями. Она вообразила, что Мцу, получив образование, займется воспитанием своего племени. Я мог бы кое-что рассказать этой птице в парике... — продолжал он с возрастающим в смущением. — Отец Мцу был самым отъявленным бунтовщиком, которого я имел удовольствие повесить, а его сынок идет, кажется, той же дорожкой. Этот парень и инженер, и химик, и, черт его знает, что еще. Я по опыту знаю: чем умнее эти парни, тем больше от них беспокойства. Где бы они ни поселились, через самое короткое время туда приходится посылать туда карательный отряд. Слава богу, что он прямо проехал в Уганди. Я послал королю Лобобло приказ не терять Мцу из виду и следить за ним в оба. Все, что нам теперь остается делать, это — сидеть спокойно и ждать, пока мистер Мцу Ксенофон Броун не скомпрометирует себя сам.

Лорду Нолингу нельзя было отказать в проницательности. Заграничное образование делало для них возвращение на родину, под деспотическую власть английского колониального владычества, особенно мучительным и исполняло гневом, который рано или поздно выливался наружу.

Однако, в течение первых девяти месяцев пребывания Мцу среди родного племени периодические донесения о нем короля Лобобло свидетельствовали о самом мирном и безупречном поведении. Па десятый, в отсутствие комиссара, улаживающего где-то на побережье недоразумение с местным населением, к пристани подошла лодка.

Три высоких, широкоплечих негра, вооруженных тяжелыми, остро отточенными копьями, в молчании высадились на берег, сопровождаемые внимательными взорами ка-

раула из людей племени Хусса. Подошли к веранде. Там их ждал Вульф Холланд.

— Белый человек! — начал старший из трех. — Мы пришли к тебе от Алиба, Повелителя Смерти и Котловины Призраков, и вот его слова: «Дай нам маленькую пушку, которая делает много шума, и много ящиков того, чем ее кормят. Иначе ты умрешь».

Вульф ничего не ответил, затянулся папироской и слегка прищурил левый глаз. Для стоявшего рядом Селима, сержанта и начальника караула, этого оказалось совершенно достаточным.

Он был столь же понятлив, сколь свиреп. Через несколько минут в лодку, причаленную к пристани, уложили три тела, достаточно, однако, живых, чтобы передать Алибе, повелителю мертвых, ответ помощника комиссара его величества. Не было опасности, что ответ будет плохо понят по незнанию английского языка — спина старшего из трех в этом случае говорила особенно вразумительно.

Вульф некоторое время продолжал сидеть на веранде, погруженный в задумчивость; он предполагал, что знал территорию своей области в совершенстве. «Котловина призраков», о существовании которой он раньше ничего не слышал, ввергла его в смущение.

— Где Котловина призраков и кто такой Алиба? — спросил он вошедшего Селима.

— Ни я, мой лорд, ни солдаты этого не знают. Я их уже спрашивал.

— Когда вы «разговаривали» с этими людьми, они все время кричали одно и то же слово которое звучит как «гиду». «Гиду» — это какое-то новое слово для меня.

— И для меня также, мой лорд! — ответил Селим. — Может быть, это — волшебное слово или имя какого-нибудь духа.

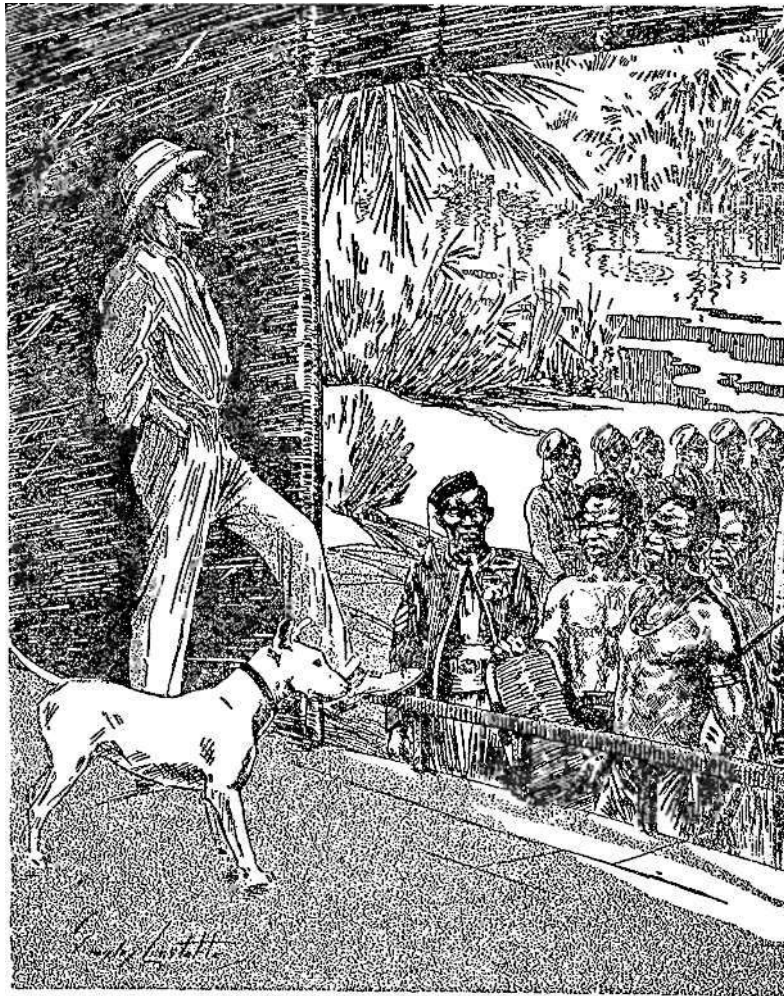
— Возможно, возможно!

Однако я думаю, что это дело серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Пойди и прикажи дежурному аэроплану пролететь над страной Лафобло и сбросить ему знак, что я его жду к себе немедленно. Мне не терпится узнать, как можно скорее, об этом Алиба, «Повелителе Смерти».

Судьба удовлетворила любопытство Вульфа гораздо раньше, чем он предполагал.

Ночь была необычайно душной. Не в силах заснуть, Вульф покинул свою койку и сел в камышовое кресло у окна. В тишине и неподвижности африканской ночи чувствовалась напряженность. Казалось, сама природа, застав дыхание, ждет чего-то необычайного. Вульф, прокляв себя за несвойственную его характеру впечатлительность, нервно заерзал в кресле.

Вдруг что-то темное, заполняя собою все пространство окна, бесшумной тенью проскользнуло в комнату и остановилось у пустой койки. Застигнутый врасплох, Вульф на секунду замер, наблюдая за движениями странного пришельца, в следующую — подобно пантере, одним прыжком навалился на пришельца.

Затянулся папироской и слегка прищурил левый глаз.

ЛОВКИМ И быстрым движением привидение избегло его объятий, и единственное, что удалось захватить, оказалась тяжелой рукояткой короткого кинжала, который словно выпал из пространства. Мгновенье Вульф стоял с поднятой рукой, готовый нанести удар и, как только в окружающем мраке ему удалось различить тень противника, его рука молниеносно опустилась, Вульф почувствовал, что кинжал достиг цели, но вместо того, чтобы погрузиться в тело, он отскочил от него с силой, равной силе удара. В окне еще раз обрисовались неопределенные контуры таинственного посетителя и... Вульф остался один.

Поиски вызванного свистком Вульфа караула были безрезультатными и никакого следа странного посетителя не обнаружили.

На следующее утро к пристани резиденций причалил военный челн короля Лобофло.

— Здорово, Лобофло! — приветствовал его Вульф. — Ты, очевидно, умеешь читать будущее. Только вчера я отправил тебе посланца с приказом явиться, а ты уже здесь двумя днями раньше, чем я мог ожидать.

— Лорд Голланди! — ответил король, подняв пику в знак приветствия. — «Большая птица», посланная тобою, меня дома не застала. Я пришел к тебе по собственному желанию, поговорить о Мцу.

— Говори! — разрешил Вульф, крайне заинтересованный.

— Господин! — продолжал Лобофло. — Ты знаешь, как Мцу пересек великую воду в страну белого начальника и как он вернулся оттуда с головой, полной колдовства. Вначале оно было безвредно, и он жил со мной и моим народом в полном согласии, но в последнее время колдовство, которым начинала его голова, повернулось в плохую сторону. На глазах моего племени он старался выдвинуть себя на мое место, называл меня продажной скотиной и ругал всех англичан. Поэтому, я прогнал его из своих владений. Когда я прогнал его, он ушел в «Котловину Призраков». Это — страшное место, господин! Это — страна, куда уходят духи злых людей после их смерти, и никто живой не смеет приблизиться из страха, что будет съеден. И вот, господин, Мцу поселился там. Это показывает, как велико его колдовство. Он теперь повелитель духов и заставляет их совершать убийства и грабежи. Я сам однажды ударил кинжалом одного из этих духов в образе человека. Удар был хорош, лорд, но мой кинжал его не пронзил!

Вульф вспомнил о точно таком же результате своей ночной схватки и спросил:

— Этот Мцу не зовет ли теперь себя Алиба и Повелителем Смерти?

— Именно так, господин! — ответил Лобофло. — Многие из моих воинов пали жертвами его духов, и все его теперь так боятся, что если кто-нибудь придет и скажет: «Дай соли для Алиба, иначе его духи тебя убьют», он у самого скупого не встретит отказа.

— Ты хорошо сделал, Лобофло, что рассказал мне все это. Скажи-ка еще, где находится «Котловина Призраков»?

— Она расположена в глубине Каменной пустыни; туда никто не ходит, кроме тех, кто связан с дьяволом и его преступлениями!

— Это для меня новая страна! Лобофло, согласен ли ты быть моим проводником?

Рука короля, опирающаяся на пику, задрожала, когда он ответил:

— Господин, я не боюсь человека, но то, что ты у меня просишь, ужасно, ибо пустыня — обиталище дьяволов, слуг духов из «Котловины Призраков». Известно, что смерть живет в их взгляде. Но все же я поведу тебя и твоих солдат до «Котловины Призраков». Может быть, нам посчастливилось попасть туда, когда дьяволы спят! — прибавил король с слабой надеждой.

— Лобофло, ты — настоящий мужчина. Поезжай же сейчас и жди нас у себя. Мы скоро тронемся в путь.

Шестью часами позже Вульф уже находился на борту катера «Пэн», где его ожидал отряд из 40 человек племени Хусса. А через два дня он со своим отрядом и двумя полными пушками высадился в месте, где река входила в область племени Иганди. Тут его ждал король Лобофло во главе пятисот копий.

— Господин, здесь собраны храбрейшие люди моего племени, которые должны помочь тебе. Сейчас они все очень храбры; но я не знаю, как долго с них удержится эта храбрость. Лучше, поэтому, сразу двинуться и не давать им думать о дьяволах.

Вульф приказал тронуться и сам пошел рядом с королем.

В течение дня и следующей ночи их путь лежал через густой лес. На вторую ночь они расположились лагерем в селении, только что покинутом обитателями;

— Это все работа Алиба! — сказал Лобофло, указывая на опустевшие хижины. Вне образованного горящими факелами места, стояла стена сплошного мрака, готовая поглотить всякого, кто отошел бы от света. Сам воздух, казалось, таил в себе какую-то угрозу, и обычные на стоянках шутки и смех уступили место мрачному молчанию и трусливым взглядам в окружающую темноту. Поддавшись общему настроению, Вульф удвоил часовых, поставив к каждому из своих солдат по одному воину короля Лобофло, и дважды в час вместе с ним обходил посты.

— Где-то рядом — большая опасность! — проговорил испуганно король Лобофло, когда, около полуночи, они еще раз проверили посты.

— Нет такой опасности, которую бы «огненные палки» моих солдат не победили! — ответил Вульф.

В это самое мгновенье, казалось, в ответ на его вызов, томительное молчание было прервано криком. Он зародился где-то в глубине леса и ширился, пока, наконец, не залил всего лагеря потоком чудовищных шумов. Достигнув этого, он стал постепенно удаляться и замирать, пока не превратился в очень отдаленный, чуть уловимый шопот. Трижды поднимался этот дьявольский крик и трижды игандские воины теряли свое мужество, прижавшись в суевном ужасе к земле. Наконец, когда звук замер, окончательно, Вульф почувствовал, что его кто-то дергает за рукав. Это был сержант Селим, стоявший у его плеча.

— Лорд Голланди! — зашептал он голосом, в котором было больше дрожи, чем слов. — Лорд Голланди, солдаты готовы. Прикажете открыть стрельбу!

— Нет, пока... — начал Вульф, но испуганный крик Лобофло заставил его обернуться. Что-то случилось в той стороне, куда он обернулся, но что именно. Вульф решительно не мог бы сказать. Острее глазки короля первыми увидели слабую, неосызаемую туманность, которая, все увеличиваясь в объеме, выросла, наконец, в облако светящегося пара. Оно отчетливо клубилось на мрачном фоне как бы зачарованного леса.

— Лорд, это — дьявольская чертовщина! — прохрипел Лобофло, дрожащим голосом, под дружный вздох ужаса своих воинов.

— Это просто фокус! — ответил Вульф с убежденностью, которой он совершенно не разделял. Но солдаты, стоявшие сзади него, тоже волновались, гораздо больше, чем это полагается в строю и, поэтому, он приказал быть готовыми к стрельбе по первому его знаку.

С тех пор, как замер последний крик, из леса не было ни звука. Угрожающее молчание воцарилось над природой и людьми, и только облако клубящегося пара, ставшее вдруг ярче, свидетельствовало о существовании невидимых врагов.

Неожиданно крик ужаса вырвался из глотки короля, и даже сам лорд Вульф Голланди издал крик удивления, имевший, впрочем, много общего со звуком, изданным королем.

Из клубов пара совершенно отчетливо выплывали, вооруженные фигуры со свирепыми, предостерегающими жестами.

Это явление было так неожиданно и ошеломляюще, что Вульф только тогда пришел в себя, когда услышал за собою отступающие шаги воинов Иганди, грозившие перейти в бегство. Нужно было немедленно действовать, чтобы избежать катастрофы. Он приказал открыть огонь; и десять ружейных выстрелов слились в один.

После второго залпа облако перестало светиться и легкий ветерок обволок Вульфа и его маленький отряд душным туманом. Люди из племени Хусса не легко теряют голову. Тем не менее, Вульфу и Селиму стоило немало труда удержать их на месте, пока туман не прошел, спустившись плотным облаком на противоположном конце лагеря. Каждое мгновенье Вульф ожидал услышать топот ног атакующих врагов. Он даже желал этого, так как в поведении своих солдат, в случае боя, был уверен. Но потом, когда ветерок совершенно очистил воздух от тумана, а спокойная, величественная ночь вступила в свои права, он понял, что опасность миновала. Тем не менее, половина отряда была оставлена под ружьем на весь остаток ночи.

Проснувшись на рассвете, он нашел около себя Лобофло.

— Лорд! — начал Лобофло, когда убедился, что Вульф совершенно проснулся, — Мои воины убежали; но кто может их упрекнуть? Какой человек может воевать

с дьяволами? Даже я, который храбр, как двое мужчин вместе взятых, убежал бы, если бы не вспомнил, что я — сын лорда Нолли и твой страшный брат, и поэтому ответственен перед ним за твою жизнь!

— Ты очень хорошо сделал, что не убежал! — ответил Вульф, насмешливо игнорируя неожиданное родство. — Сегодня ты поведешь меня и мой отряд через пустыню в «Котловину Призраков».

Через час маленький отряд двинулся в путь.

Вульф предварительно исследовал лес, окружавший стоянку и, главным образом, то место, откуда появились призраки. Там, на дорожке, он нашел следы выстрелов своих солдат, других же следов, свидетельствующих о пребывании «осязаемых» врагов, кроме нескольких разбитых глиняных сосудов, он не нашел нигде. Это навело Вульфа на размышления, ус покидавшие его в течение всего утреннего похода.

К полудню они достигли границ пустыни и, после короткого привала, снова тронулись в путь через ее печальные, голые пространства. Солнце пекло немилосердно, а огромные камни, обилие которых дало пустыне ее название, еще больше раскаляли воздух.

Больше всего озадачивало полнейшее отсутствие сопротивления со стороны Мцу и его друзей. Чувствовали ли они себя достаточно защищенными ужасом, который вселяла туземцам «Котловина Призраков» при одной мысли приблизиться к ней? Но в таком случае Мцу должен был знать, что белого человека не может остановить такая чепуха. Все чудеса предыдущей ночи, как бы загадочны и страшны они ни были, имеют, все же, какое-то научное объяснение и, тем не менее, Вульф достаточно долго прожил в Африке, чтобы допустить возможность существования на Черном материке вещей, непонятных уму европейцев.

В конце концов, чувствуя бесполезность своих размышлений, он отбросил их совершенно и все свое внимание сосредоточил на окружающем. Они поднимались теперь на гору, с которой Лобофло указал на гранитную острую вершину, врезающуюся в небо.

— Вот там, господин, лежит «Котловина Призраков». Часом позже они стояли у кольца кратера потухшего вулкана. Это было дикое и печальное место. Ни оживляющая зелень, ни человеческое жилье не нарушали его хмурой безнадежности. Хотя ширина кратера не превышала пол-километра, но, быстро наступающая ночь заставив Отложить более подробное обследование до утра. Отряд расположился тут же на ночлег и, расставив часовых, погрузился в сон...

На следующее утро, как только солнечные лучи достигли дна кратера, Вульф распорядился начать спуск в котловину. На рыхлай земле явственно виднелись следы голых ног. Когда же они достигли каменистой почвы дна, следы исчезли.

Через восемь часов Вульф был опять на вершине кратера, в лагере. Он был растерян и глубоко озадачен. В течение целого дня его отряд производил самое тщательное обследование котловины и нигде не мог найти малейшего намека на присутствие человека. Не было ни пещер, ни

хижин, и, тем не менее, он не мог избавиться от странного и тяжелого чувства, что за ними следят и каждый шаг их сопровождают невидимые глаза.

Направление следов увеличивало загадку: они шли с вершины в котловину, и не было ни одного следа, ведущего из котловины вверх.

Это обстоятельство особенно смущало Вульфа и он чувствовал себя почти готовым присоединиться к мнению Лобофло, рассматривавшего все это, как неоспоримое доказательство существования призраков и дьяволов.

— Смотри, следы их ведут в котловину, а затем исчезают.

— Они исчезают потому, что земля камениста.

— Согласен, лорд! — ответил Лобофло. — Но если

это — человеческие шаги куда же девались люди? Люди нуждаются в убежище от солнца и дождя, в пище для еды, в воде для питья, а котловина пуста, как ладонь моей руки. Лорд, только духи не нуждаются во всех этих вещах! Вы мне сказали, что Мцу обитает в этой долине. Где же он?

— Откуда же мне знать? — рассеянно ответил Лобофло. — Может быть, он тоже — дух.

Вульф взвешивал эту краткую беседу, предполагая в ней найти какой-либо ключ к разгадке тайны котловины. Он не мог оставаться здесь долго. Запаса воды хватило бы еще только на один день. Однако, отступить, оставив неразгаданной тайну «бунтовщика», было выше его сил.

— Должна же быть разгадка всему этому, но, очевидно, я ее пропустил или не заметил! — подумал он.

— Господин! — начал Селим, стоя на вытяжку у входа в палатку. — Господин, мы поймали человека, который шпионил за лагерем. Как прикажете с ним поступить?

Вульф вскочил с радостным возгласом. Наконец, удалось им заполучить кое-что осязаемое! Сам факт посылки шпиона доказывает, что неприятель существует и, очевидно, где-то недалеко. Было бы очень неприятно, если он не использует целиком этой последней возможности выяснить положение.

— Веди его сюда!

Через минуту перед ним стоял пленник.

Высокий чернокожий был одет в длинную рубаху черного цвета, доходившую до колен.

Вульф молча смотрел на него некоторое время.

— По закону белого человека шпион наказывается смертью.

— Господин, ты не можешь убить меня, — ответил арестованный спокойно, — ибо я уже мертв и никакое копье не может причинить мне вреда.

— Ах, так! — и Вульф приказал Селиму снять с него одежду.

После короткой борьбы, черная туника была снята, обнаружив, вместо черной, блестящей кожи, тончайший стальной панцирь. Теперь я понимаю, почему отскочил мой кинжал!» — подумал Вульф и приказал снять с него панцирь.

— Послушай! — обратился он к дикарю. — Ты — один из убийцы, служащих Алиба. И теперь между пулей и твоим сердцем нет больше препятствий. Однако, если

Из клубов пара совершенно отчетливо выплывали вооруженные фигуры

ты мне скажешь, где живёт лорд Алиба в--«Котловине Призраков», я оставлю тебе жизнь.

— Я уже мертв! — повторил негр. — Что же касается лорда Алиба, то ты его все равно не найдешь, так как не знаешь нужного слова.

Некоторое время Вульф размышлял над ответом, а потом велел Селиму отвести арестованного и возвратиться к нему обратно.

Кое-что Вульф все-таки выведал. Мцу, действительно, жил в кратере, слова пленного этого не отрицали. Благодаря этой уверенности у него быстро созрел план дальнейших поисков.

— Через час ты освободишь арестованного, и пусть никто за ним не следит! — приказал Вульф вошедшему Селиму. — Ты будешь старшим по лагерю, так как мне необходимо на время удалиться, но об этом на смей никому говорить.

— Слушаюсь, лорд! — И, отдав честь, Селим вышел из палатки.

Спустя полчаса, Вульф, совершенно освобожденный от всяких украшений цивилизации, в том числе и брюк, вымазанный сажей до абсолютной черноты, так что стал почти невидимым на фоне глубокой ночи, крадучись, выбрался из лагеря и спустился в котловину. Там он спрятался за скалу и стал ждать.

Ждать ему пришлось недолго и скоро он услышал шаги, приближающиеся к спуску. Очевидно, освобожденный шпион знал, что за ним не следят, так как совершенно не заботился о тишине. Вульф дал ему пройти мимо себя и последовал за ним на коротком расстоянии. Так они прошли кратер по диагонали и остановились перед одной скалой. Тут негр произнес громко одно слово, в ответ на которое раздался тяжелый, скрежещущий звук, шум шаркающих шагов и снова скрежет. Потом наступило молчание. Подползая вперед, Вульф осмотрел внимательно скалу и убедился, что негр исчез. Он долго прислушивался; наконец, отметив место, тронулся в обратный путь, взяв направление на огонь, горящий на вершине кратера в лагере.

Войдя в палатку, он оделся, призвал Селима и приказал ему собрать людей.

— Прикажи им соблюдать полное молчание, так как я нашел место, где прячется Алиба. Нужно заставить его врасплох.

— Господин, — спросил Лобофдо, когда маленький отряд был готов в путь. — Нужно ли мне идти с вами. Я ведь не могу воевать против призраков.

— Ручаюсь тебе, что там нет никого, кроме людей. Целься только им в голову, а не в грудь, ибо они носят сетки, с которыми кинжал не может справиться.

— Хорошо. Теперь, когда я знаю, как убивать этих чертей, они мне не страшны! — обрадовался Лобофдо.

В глубоком молчании отряд достиг отмеченной Вульфом скалы. Они приблизились к пей ползком и Вульф, когда они были уже совсем близко, крикнул громким голосом: «Гиду, Гиду».

Почти сразу часть скалы, как-раз перед ним, со скрежетом задвигалась и открыла доступ в мрачную, похожую на глубокий колодец, пещеру. Вульф без всякого колебания ввел туда свой отряд. Как только последний человек был внутри, тяжелая каменная дверь медленно вернулась в свое прежнее положение и захлопнулась с глухим, тяжелым ударом. Вульф осветил пещеру электрическим фонарем.

Первый луч света упал прямо на двух людей, стоящих у ворот каменной двери. От неожиданности они бросили свой пост и с криком исчезли в темноте.

— Вперед! — скомандовал Вульф и устремился по извилистому естественному коридору, служившему когда-то «выходом» потухшему вулкану. Впереди он слышал ужасные крики преследуемых, усиленные многоголосым эхом.

Все надежды застигнуть неприятеля врасплох улетучились, и единственное, что могло помочь, это — быстрота.

Неожиданно из одного из многочисленных поворотов на них дохнуло жаром, и преследователи увидели себя в обширной пещере, посреди которой горел костер. Вокруг костра были расположены глиняные кувшины, слабо освещенные туземными светильниками. Это было все, что Вульф мог разобрать, ибо через секунду раздался глухой треск и все потонуло в густом белом облаке, из которого неожиданно вынырнула толпа озлобленных и рычащих врагов.

Солдаты смогли дать только один залп, потом бой перешел в рукопашную. Это был странный бой. Свет светильников слабо окрашивал белое облако и на этом фоне дикие призраки. При этих условиях, преимущество было на стороне людей племени Хусса, так как исключительная чернота их кожи сливалась совершенно с цветом стен пещеры.

Времени нельзя было терять. Вульф, чувствуя какую-то тень мишенью своей седьмой пули, выстрелил, одновременно кинжалом ударив по другой. Но кинжал отскочил от врага, и сам Вульф погиб бы от широкого меча, направленного прямо в его грудь, если бы не щит Лобофдо, который бросился к нему на помощь.

— В голову, в голову! — рычал Лобофдо. — Их грудь заколдована.

Между тем, враги на минуту ослабили свое нападение и Вульф воспользовался передышкой, чтобы перестроить свой отряд. Когда же нападение возобновилось с прежним ожесточением, солдаты, после дружного залпа, но команде Вульфа бросились в штыки. Произошла еще одна короткая свалка, кинжалы не выдержали организованной стали штыков и обратились в бегство, преследуемые по пятам Вульфом и его отрядом. Битва была окончена.

Часом позже Вульф распорядился привести к нему Мцу. Он был найден лежащим без чувств под телами своих убитых единомышленников. Связанный по рукам, в окровавленных лохмотьях, он смотрел на Вульфа бесстрашно и прямо.

— Мцу, сын Мцу-колдуна... — начал Вульф.

— Бросьте всю эту лишнюю торжественность. Вы одолели меня, так кончайте свое дело, — прервал его Мцу,

— Я и сделаю свое дело, а теперь вот о чем речь. Некогда среди племени Иганди жил человек — злой, которого звали Мцу. У этого человека был сын. Мцу назвал его своим именем. Этот сын, когда достаточно вырос, переехал «великую воду» в землю белого начальника и познал много наук белых людей. Но настало время, когда он сказал себе: «Я вернусь обратно к своему народу, и знания, которые я приобрел сделаю меня и мой народ могущественными». Таким образом, он вернулся обратно в страну Иганди и здесь Мцу решил стать повелителем. Он нашел уединенное место, названное «Котловиной Призраков» и без разрешения белого человека, соорудил в пещере ворота, распорядившись открывать их только тому, кто произнесет слово «Гиду».

— Словом, не теряя лишних слов для поучения ваших солдат, вы желаете знать, почему я пошел против Лобофдо, а потому и против лорда Нолинга. Причина ясна: освободить от вашей «гуманной» власти свое племя. Вижу, что начал не с того конца, а потому и расплачиваюсь за свою ошибку. Будьте прокляты!

Быстро подняв связанные руки, он коснулся ими губ и свалился замертво.

— Блестящая работа, Вульф! — определил комиссар доклад Вульфа, сделанный ему двумя неделями позже на веранде резиденции. — Но скажите, каким образом Мцу организовал появление призраков в лесу.

— При помощи дымовых бомб и сильного проекционного фонаря, отбрасывавшего на дымовую завесу соответствующие картинки. Таким путем он достиг поразительно реального изображения. Я даже сразу и не догадался, в чем дело. Не забудьте, что он был чем-то вроде инженера-химика.

— А как он внушил своим разбойникам мысль, что они мертвы и не смогут быть, поэтому, дважды убитыми.

— Очень просто: сначала усыпил, а когда они проснулись, внушил им мысль, что они — духи умерших людей, а для вышшей убедительности в невозможности вторично умереть, надел им панцыри.

— Умно, очень умно, и лишний раз оправдывает мое недоверие к этим образованным туземцам. На этот паз один из них вложил слишком много фантазии в «дело» и даже это стоило нам немало денег, патронов и беспокорства. Что же будет, когда они перейдут к более реальным вещам?

— Я не знаю, милорд! Мне бы очень хотелось не быть тогда здесь! — ответил мечтательно Вульф, закуривая новую папиросу.

Фантастический рассказ П. Н. Г.

Рисунки Н ДОРМИДОНТОВА

Глава I. НАКАНУНЕ.

Первое мая 19.. года...

Столица социалистической Европы, Кименополис, сегодня воплощает в себе знойное ликование всего мира. Разбиты последние цепи, навеки пали произвол и насилие. Минувшей ночью победила революция в последнем уголке земного шара, где еще властвовал Капитал... Это место много лет назад называлось восточной частью С.-А. С. Ш., современники же звали его «Страной Молчания».

Как корреспондент газеты «Европейская Правда» и очевидец главных моментов борьбы, я хочу рассказать все то, что я видел и слышал в калейдоскопе великих событий и фактов последних дней.

Это началось недавно — всего неделю назад, глубокой пасмурной ночью. Шестнадцать лет уже угрюмо и зловеще безмолствовала «Страна Молчания», затаившись за Страшной, непроницаемой стеной из воздушных вихрей, электромагнитных бурь и молний. Никто не мог попасть туда, никто не выходил оттуда. Глубоко под землей, как и над землей, всепроникающие волны каких-то лучей убивали всякого, кто пытался проникнуть в «Страну Молчания». Никогда за эти шестнадцать лет ни один звук не долетал из-за запретной черты, никто не знал, что творится за ней. Радиостанции «Страны Молчания» утихли с самого начала этой чудовишной самоблокады. Шестнадцать лет назад от мира откололась частица и, спасаясь от мести, в ней укрылись все те, кто много лет кровью и ужасом правили миром. Грозной, смертоносной стеной отгородили они «свой» мир к лучшим умы свободного человечества были бессильны перед эти броней...

Так длилось шестнадцать лет, и вплоть до этой исторической ночи, когда брошенный в пространство мощный, пока еще неведомой радиостанцией из «Страны Молчания», долетел и с призывной силой откликнулся в миллионах сердец пламенный зов:

«Раскрепощенные пролетарии свободного мира, мы зовем вас! Знамя восстания взвилось над нашей страной. В последней мертвой схватке, в дикой борьбе с поработителями, мы зовем вас. Мы откроем вам дверь в нашу страну... Придите же, братья! Бьет последний час!»

В эту ночь известие о радиогамме из «Страны Молчания» облетело весь мир. Готовясь к грядущему последнему бою, свободный мир был всегда наготове принять и нанести удар, и теперь, во мраке и глуби ночи, над уснувшей Землей неслись к «Стене Смерти» целые авио-эскадрильи вооруженных энтузиастов революции. Но ледяным, зловещим молчанием, в котором затаились ужас и смерть, встретила их электромагнитная броня, и попрежнему ничто живое не могло проникнуть за запретную черту. На головокружительной, в десятки километров, высоте, все та же заведомо электромагнитных бурь и молний все так же с неслабевающей силой оберегала своих господ...

Два дня прошли, трепетных два дня, которые не забудутся никогда. К этому времени вооруженные силы всего свободного человечества были наготове. Повсюду, на всем протяжении «Стены Смерти», авио-отряды готовы были вторгнуться в «Страну Молчания». Но попрежнему «Стена Смерти» непоколебимой, хотя и невидимой твердыней, охраняла своих господ от мести белых рабов...

Командированный редакцией «Европейской Правды» в качестве корреспондента я находился при одном из авиоотрядов, неподалеку от «Стены Смерти», в городке Бернвилле. Нестерпимо тягучи и томительны были дни ожида-

ния, дни напряженного бездействия в то время, когда рядом лилась кровь, а мы не могли быть даже свидетелями борьбы. Нервы не выдерживали... Хотелось чего-нибудь необычного, что разрядило бы напряженную атмосферу ожидания и нервного подъема. И этот разряд пришел...

Глава II. КАРСТОН.

Я давно лично знал Карстона, величайшего инженера наших дней, строителя Гибралтарского туннеля и Берингова моста. Мы были дружны еще с университетской скамьи, одно время даже переписывались; потом переписка как-то сама собой прекратилась, но мы сохранили самые лучшие отношения, и наши редкие встречи носили самый теплый, сердечный характер. Более двух лет прошло со дня нашей последней встречи, и только что полученная от Карстона телеграмма заинтересовала меня: «Ждите меня сегодня, 29-го, по очень важному делу; буду после 18 часов. Карстон».

Часы показывали 14. В моем распоряжении было 4 часа, быстро промелькнувших в сутолоке корреспондентской работы. Ровно в 18 я был дома, в своей комнате в гостинице.

Карстон немного запоздал, и мне пришлось терпеливо ждать его, пока, наконец, к подъезду гостиницы мягко подкатил автомобиль и через минуту знакомая фигура инженера появилась на пороге моей комнаты.

Среднего роста, не полный и не худощавый, всегда элегантно одетый, спокойный, неизменно вежливый с оттенком сердечности, он imponировал всем и каждому. Бледные щеки Карстона всегда разгорались, когда разговор касался его великих творений, современных и будущих завоеваний техники. Не умевший красиво без умолку болтать пустых, галантных фраз, и сыпать любезностями, он был плохим собеседником.

Но эта необщительность разом исчезала, лишь только разговор касался техники. Тогда Карстон совершенно преображался: наряду с общечеловеческими социальными проблемами, все лучшее, весь смысл жизни, для него воплощался в технике; он восторгался ею, с невыразимым увлечением говорил о новых проектах, о своих очередных работах, о величии задач, стоявших перед грядущей техникой...

Мы просидели, я думаю, около часу. Блестя глазами, он рассказывал о постройке Берингова моста, об уже законченном Гибралтарском туннеле, о разрабатываемом им проекте электростанции на Замбези, осуществление которого перевернет всю жизнь Южной Африки; быстро, без запинок, пересыпая речь бесконечными цифрами, говорил о выдвигаемом им проекте создания городков-санаторий на побережье Средиземного моря, которые оздоровят человечество, вольют в него новые силы...

Относительно цели своего сегодняшнего визита он говорил очень мало. Из его слов я узнал лишь, что мы и еще несколько человек сегодня ночью куда-то полетим. Куда?.. Зачем?.. Он лишь загадочно улыбался в ответ.

— Потом, потом, мой дорогой Ведрин! А сейчас могу вам обещать лишь одно: сегодняшней ночью вы опишете события, которые поразят мир; каждому слову вашей корреспонденции будет напряженно внимать все человечество. А пока не спрашивайте. Я хочу сделать вам сюрприз! — вот все, что отвечал Карстон на мои расспросы.

Солнце уже зашло и лишь прощальные его лучи оранжево-розоватой зарей отливались на снежно-белых облачках, когда мы сошли с подъезда и уселись в автомобиль, Шоффер взялся за колесо, четко забился мотор и, как будто смеясь над надоевшей стоянкой, авто со всей мощью своих 50-ти сил рванулся вперед и помчался, в каком-то упоении глотая километр за километром,

Кругом было тихо и пустынно. По моим расчетам мы проехали уже километров 15 — 20.

— Здесь! — вдруг произнес Карстон, нагнувшись к шоферу. Авто замедлил ход и остановился. Мы сошли на землю.

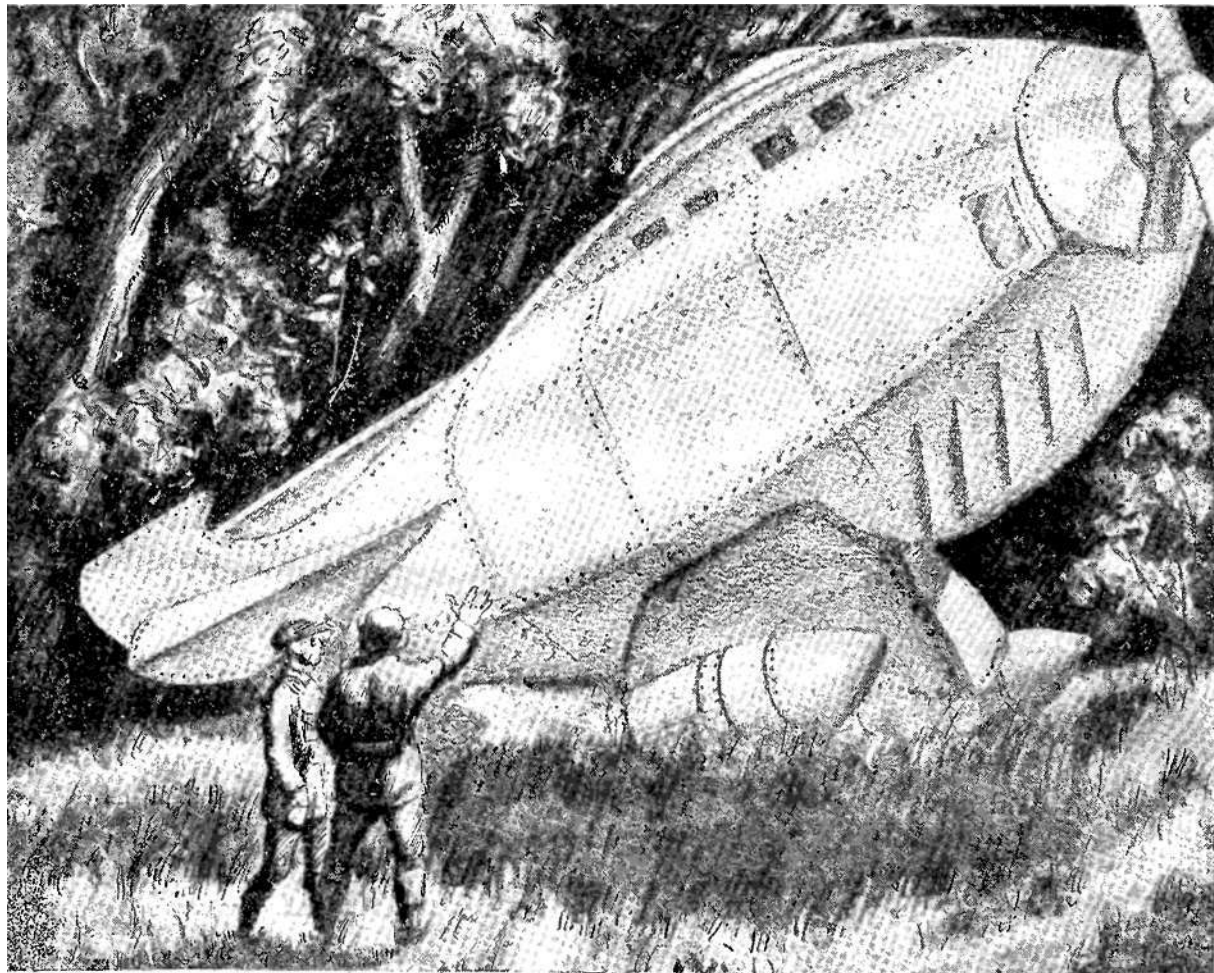
Прямо с шоссе мы свернули куда-то влево, направляясь к видневшейся впереди густо зеленеющей роще. Сдержан-

Высокий и стройный Губер выглядел много моложе своих 40 с лишним лет.

Второй был сутуловатый, совершенно седой старик, с длинной, как у патриарха, серебряной бородой. Из-за стекла пенсне на меня ясно и приветливо глянули голубые, юношески-пытливые глаза. Это был Берницкий, знаменитый Физик, одно из светил современной науки. Третий из находившихся в каюте был одним из двух механиков «Мстителя».

III. НА БОРТУ «МСТИТЕЛЯ».

«Мститель» был последним звеном в длинной, блестящей цепи аэро машин, сконструированных гениальным Карстоном. В основу своих машин Карстон положил совер-

Аппарат, казалось, врос в зелень поляны.

ным ритмом позади нас билось сердце поворачивавшегося авто, потом вдруг заколотилось бешено-радостно, и со все замирающим гуденьем авто понесся назад, в город...

Минут 10 быстрой ходьбы и мы были у цели. На маленькой, зеленевшей полянке, в сумраке обступивших ее кругом деревьев, тяжелой неподвижной массой громоздился какой-то предмет. В нем смутно угадывался аэро, но какой-то новой, непривычной конструкции. На совершенно гладком, продолговатом теле аппарата не было и признаков окон, и лишь в передней части поблескивали широкие, застекленные прямоугольники. Небольшие плавники, сбоку и сзади, как у дирижабля, дополняли картину. Крыльев не было совсем. Грузной, серо-голубой массой аппарат, казалось, врос в зелень поляны.

По узкой, в несколько ступенек лесенке, мы поднялись в аэро. Бесшумно отворилась маленькая дверь, также бесшумно захлопнулась, и мы очутились в ярко освещенной поместительной каюте, без окон, с обитыми кожей стенами и мебелью. Прямо перед нами, за небольшим столом с газетами и книгами, сидело трое мужчин.

Карстон представил нас. Говоря откровенно, я был приятно удивлен — среди них не было ни одного корреспондента какой-либо газеты.

Одного звали Губером. Инженер-электрик по профессии, он был правой рукой Карстона во всех его работах.

шенно новый принцип и последнее его творение — «Мститель» было поистине идеалом аэромашин, неизмеримо превосходившим все существовавшие аэро.

Едва захлопнулась за нами дверь, как тотчас же приглушенным ритмом забились могучие машины, без малейшего толчка мы отделились от земли, и в темнеющем сумраке надвигавшейся ночи устремились вперед...

Внезапно лампы в нашей каюте закрылись какими-то едва проницаемыми колпаками, на задней стене каюты развернулся экран и в воцарившейся полутьме на нем потянулась бесконечная панорама. Это была земля, стлавшаяся иод нами Беззвучно, невидимые и таинственные, мы безумным вихрем неслись вперед над спавшей Землей. На экране быстро мелькали освещенные станции, городки и селения; промелькнул гигантский висячий мост над свинцовым блеском какой-то реки; на темной глади вод мигали, огоньки пароходов, небольшой городок тесно прижался к берегу реки, а дальше, на запад, тянулись суровые, угрюмые леса.

И вдруг мы заметили (кажется, все разом), что какие-то странные, живые блики переливаются на стене справа. Да, стена жила!.. То темнея, то вновь вспыхивая, живыми светящимися буквами на ней вдруг вырисовалась надпись:

«Со скоростью 300 км в час мы летим вдоль «Стены Смерти». Недалеко отсюда должна быть единственная брешь в этой стене. Брешь эту укажет прибор, находящийся у нас на борту, и если эта «Ахиллеса пята» окажется уязвимой; то мы пролетим через нее. Остальное потом»...;

С полминуты надпись стояла, а затем, непрерывно вспыхивая и искрясь зелено-желтыми языками, медленно исчезла... Несколько секунд еще на темно-коричневом фоне стены, загораясь и вновь темнея, угасали последние блики, а затем и их не стало...

— Новая шутка Карстона! — раздался голос Губера. — Но, кажется, мы уже близко от дьявольского прохода. «Мститель», провидимому, скоро остановится!

Неожиданно движущаяся на экране панорама начала замедлять свой стремительный бег... «Мститель» летел все тише и тише. И вдруг новая надпись вспыхнула на стене: «Стрелка прибора двигается... Мы в преддверии «Страны Молчания». Ждите».

Легкое шелканье... Вновь лампочки озарили кабину, надпись исчезла в брызгах света и в распахнувшуюся дверь вошли Губер, Карстон и оба механика... «Мститель» неподвижно стоял в воздухе. Ослабший ритм машин растворился во тьме безлунной ночи...

Смертельная бледность покрывала лицо Карстона. Даже он волновался в эту минуту. Лучше и ярче всех он сознавал, какой страшной опасности мы готовились подвергнуться, сознавал, что мы стоим на краю бездонной пропасти, собираясь перейти ее по хрупкому мостику.

— Товарищи! — начал Карстон. — Мы недалеко от единственной бреши в чудовищной стене, которой окружил себя издыхающий Капитал... Мы готовы ринуться в эту брешь... Но мой долг сказать вам, что, быть может, и она окажется непроходимой, несмотря на все чудеса науки, которыми вооружил я «Мстителя», и тогда попытка наша будет стоить жизни нам всем. Я не вправе один решить такой вопрос, а потому выбирайте: вперед или назад?

Карстон был не только великим инженером, но и хорошим психологом. В эту минуту, я думаю, мы не отступили бы даже тогда, если из 100 шансов у нас был бы лишь один за жизнь, а 99 за смерть.

Наше решение было единогласным, без всяких колебаний и сомнений. Лица моих спутников серьезны и взволнованы...

— Мы возьмем очень большую высоту, 10 — 12 километров. Изоляция «Мстителя» исключительна... Стрелка укажет нам наименее защищенные места в электромагнитной броне, — быстро сообщил Карстон. — Ах, да! — добавил он. — Хотите я покажу вам отравленную зону перед «Стеной Смерти»? Мы находимся сейчас над ней.

Легкое шелканье, свет исчез и на экране перед нами вырисовался урюмый, однообразный простор. В окончательно сгустившемся мраке ничего нельзя было разобрать, но могильным холодом и жутким ужасом повеяло на нас от бесстрастного экрана. За 12 — 15 километров от «Стены Смерти» начинается эта отравленная зона, и вся она — сплошное царство смерти и разрушения. Ни одно дерево, ни одна травинка не растет здесь. Ни животных, ни птиц, ни букашек не найти здесь. Все мертво, грозная печать смерти запечатлелась на всем. Шестнадцать лет назад каким-то смертоносным газом была убита здесь вся жизнь, и с тех пор Капитал неустанно поддерживает царство смерти на омертвевших полях и нивах, на развалинах городов и селений.

IV. АДСКИЕ ВОРОТА.

В воцарившемся полумраке отчетливо прозвучали размеренные вздохи машин, гуденье, и я почувствовал, что становилось тяжелее. «Мститель» уже несся вверх, наглухо закрыты были все отверстия и ничто уже не нарушало снежной белизны экрана. Подъем длился очень долго, а быть может это лишь показалось мне, потому что томительно трепетны были минуты ожидания...

Страшное нервное напряжение точно подсказало мне момент, когда аппарат перестал подниматься. В то же мгновение на стене зафосфорилась краткая надпись: «Высота 14.000 метров. Вперед!»

Да, мы двинулись вперед, я это сразу почувствовал. Прежний, размеренный такт машин сменился лихорадочное дрожью; тихое гуденье перешло в неистовый гул; гул этот рос и рос, обратившись в сплошное ликование победных машин, послышалось шелканье рычагов и в безудержном порыве «Мститель» ринулся вперед...

«Смелее, товарищи! Ближе гроза!» — молнией вспыхнули, и сразу же погасли слова, на стене... Секунда, другая и «вдруг», страшной силы удар потряс стальное тело «Мсти-

теля»; казалось, в ушах зазвев сверкнула после ным толчком, я б

Не знаю, сколь знание вернулось ко я, как пьяный, попробовал ские лампочки погасли... Кругом ид смутное беспокойство гнездились и на Что же случилось? Отчего темно? Где мои спутники? Живы ли они? Прорвали ли мы дьявольское кольцо? — эти вопросы целым вихрем завертелись в сознании и, ощущая тягучую слабость во всем теле, я поднялся на ноги. Нащупав рукой диван, я сел, и чья-то рука легла мне на плечо.

— Кто это? Вы, Ведрин? — раздался слабый, изменившийся голос Губера, и я понял, что он тоже перенес сильное потрясение.

— Да! — ответил я, и голос мой показался мне чужим и далеким.

— Скажите; что же случилось? Где мы? Что с нами? — засыпал я Губера вопросами.

— Я сам знаю не больше вашего! — отвечал инженер. — Ведь мы...

— Свет! Зажгите свет! — вдруг раздался голос Бернишково, и я скорее угадал, чем узнал его — ведь больше никого в кабине не было.

— Света нет! — ответил я. — Эти дьявольские врага потушили наш свет. — И, вспомнив, что у меня есть спички, я трясущимися руками вынул коробку и чиркнул спичку...

Скудное, желто-оранжевое пламя озарило кабину, и в этом свете она показалась мне чуждой и незнакомой. Я приподнял горящую спичку, сделал шаг вперед... В это мгновение дверь широко распахнулась и в кабину с ослепительно лучившимся фонарем вошел, вернее, вошел, Карстон, а за ним и оба механика...

— Мы победили, мы в «Стране Молчания!» — воскликнул капитан «Мстителя», увидя нас живыми и здоровыми. — Вперед, товарищи, и мы увидим и услышим то, чего шестнадцать лет не видели и не слышали наши братья по ту сторону этой дьявольской стены.

V. ВПЕРЕД!

Торопливо и сбивчиво, прерывая самого себя, рассказывал Карстон, как он, тоже оглушенный, первый очнулся и встал, как, придя в сознание, остановил полет, как «Мститель», сбитый неведомыми силами, нырнул на несколько километров вниз; взволнованный и радостный, рассказывал он, что лишь чудом прорвались мы через «Стену Смерти», что самопишущие приборы отметили колоссальную силу электромагнитных вихрей...

Наши лампочки вспыхнули опять, повреждение оказалось пустяшным, легко исправимым, снова на экране забегали блики и тогда Губер выключил свет.

«Мститель» неподвижно стоял в воздухе. Глубоко под нами замерцали тысячи, быть может, десятки тысяч далеких огней. Будто рассыпанные чьей-то озорной рукой, они в беспорядке разбросались повсюду. Там и сям десятки, сотни огней-светлячков сбились в кучу, будто защищаясь от всюду обступившей их мглы. Впереди, далеко на востоке, виднелась, мерцающая и переливаясь, вереница переплетшихся огней. Позади нас урюмая, всепожирающая тьма простиралась под пятой «Стены Смерти»...

Уходящий из-под ног пол кабины, неприятное ощущение падения и замирающее сердце показали мне, что мы стремительно опускаемся. Все резче и отчетливей рисовалась панорама огней; понемногу убежал за горизонт город на востоке, зато в надире огни неуклонно разгорались и приближались...

Высота три тысячи метров!.. «Мститель» вновь не-движно замер в воздухе. Необозримая холмистая равнина, вырванная из мрака ночи, глянула на нас с потемневшего экрана. Огромные, темные пятна лесов черными тенями залегли на светлом фоне равнин. Пять-шесть десятков каких-то построек в хаотическом беспорядке разбросались на середине экрана. Горизонт на востоке горел последними, прощальными огнями, манил и звал, как будто указывая нам путь в «Страну Молчания». А позади... глухой, бес? просветной тьмой «Стена Смерти» преградила путь всякому малодушию, «Страна Молчания» звала нас... Вперед!

VI. ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ.

Тесно прижавшись к необъятной шири двух слившихся рек, под нами развертывался, блестя огнями, какой-то город. Внезапно догадка осенила меня.

чно, ведь это экран, на свиняных искрами

— Мы пролетели впереди. Нам надо

сали мы инженера не-

карта Северной Америки, л шаг к ней...

— Вот сюда: К Стальному Замку! — коротко ответил он.

Палец Карстона указывал на обведенное синим кружком место, на юго-западе Аллеганских гор, при 84° зап. долготы и 36° северной широты. Нетерпеливыми взорами мы впилась в отмеченное кружком место, ничего, в сущности, нам «не говорившее»...

— Стальной Замок!? Ведь это... Да, помню... Это лет 6 назад... Неужели это правда? Неужели это был не бред умиравшего? — взволнованно воскликнул Губер. — Ведь я раньше смеялся над этим...

— Нет, это не миф и не предсмертный бред сумасшедшего, хотя того человека признали сумасшедшим, — ответил Карст он, и, видя мой вопросительный взгляд, добавил:

— Помните, лет шесть назад неподалеку от отравленной зоны нашли человека, который... ага, вспомнили?!...

Да, я вспомнил, вспомнил, как у отравленной зоны подобрали какого-то человека. Человек этот был без сознания. Никаких бумаг, никаких документов, которые указали бы кто он, при нем не нашли. Привезенный в больницу, он там скончался, не прожив и суток. В страшных мучительных конвульсиях, непрерывной агонии, сквозь скрежет зубов и предсмертные муки, он бредил о «Стране Молчания», в бессвязных, отрывочных фразах и восклицаниях он говорил о чудовишном гнете, царившем там, бредил о каком-то фантастическом городе, Гениополе, и с жутким ужасом, сдавленным хрипом, весь трепета, повествовал о «Стальном Замке». Насколько можно было его понять, «Стальной Замок» был местом, откуда на всю «Страну Молчания» лился безудержный гнет, откуда, недоступные никому и ничему, даже милосердию, правила страной последние бывших владык мира — кучка людей, имя которых произносилось или раблепетствующим топотом или с жгучей ненавистью и проклятиями...

— Да, товарищи! — продолжал Карстон. — Мы летим к «Стальному Замку». Именно там, я уверен, идет борьба. Как я узнал, где он находится, рассказ очень долгий и сложный. Скажу лишь, что здесь главную помощь оказали мне мои наблюдения и работы по изучению аномалий «Стены Смерти». Конечно, мои вычисления не могут претендовать на абсолютную точность, но во всяком случае, если «Стальной Замок» и не в этом кружке, — юн указал на карту, — то все же неподалеку от него. А теперь — вперед! Ведь уже поло-вина двадцать второго! — и с этими словами Карстон повернулся и пошел в рулевую каюту. Наши взоры снова приковались к экрану.

— Однако! — проговорил Берницкий. — Я ожидал увидеть нечто более грандиозное, а между тем, не вижу даже того, что видел 19 лет назад. Я тогда был в Сан-Луи на всемирном минералогическом съезде, и так же, как сейчас, ночью летел над городом... В то время он казался мне несравненно величественнее и грандиознее, чем теперь. — и он жестом указал вниз.

— Я тоже был там двумя годами позже, — отозвался Губер, — и могу сказать, тоже самое. Сан-Луи сейчас — совсем незавидный город, а ведь тогда в нем было больше миллиона жителей...

— Да, странно! Очень странно! Что же это?.. Упадок?.. Регресс? — задумчиво проговорил Берницкий.

VII. СТРАНИЦА ПРОШЛОГО.

В то время мы ничего еще не знали (хотя экономисты свободного мира и предполагали это), о великом перевороте в жизни страны, вызванном «Стеной Смерти». Созданная втайне от всего человечества, она в одну ночь расколола надвое мир. Равновесие было нарушено в один безумно-короткий миг... Создававшаяся веками сложная, многообразная экономическая система взлетела на воздух, как пороховой погреб. Острый нож разрухи перерезал питающий нерв промышленности и торговли, — кредит, и это довершило картину всеобщего краха.

Чудовищней силы и размаха экономические и финансовые кризисы потрясали страну от края и до края. Целые отрасли некогда цветущей промышленности, работавшей

на вывоз, были смяты и растоптаны в один миг, как хрупкие часы под ударами тяжелого лома. Опрокинутые и раздавленные жестоким вихрем кризисов, целые области, культурные, богатые и густонаселенные, разорвались и нищали, как жалкий лавочник под тяжелой рукой торговца-миллионера...

Города обезлюдели... В первую очередь — города-гиганты у границ... Еще вчера они владели бесчисленными богатствами, стекавшимися со всего мира, еще вчера они находились в апогее своей славы и могущества. Отсюда, от группы всемогущих банков раскинулась по всему миру путаница невидимых, цепких нитей, опутывавшая и порабощавшая весь мир, высасывавшая пот и кровь миллионов людей...

Расположенные на мировых путях, города-гиганты были теми воротами, через которые в мир и из мира широким потоком лились несметные богатства: товары, золото, деньги. У ворот этих кормились миллионы — и вдруг они захлопнулись. Жизнь замерла... Неустанно, долгие годы, день и ночь, города вбирали в свою ненасытную пасть горы жизненных припасов со всей страны, со всего мира: хлеб, мясо, овощи. Все это широкой рекой лилось в города, дававшие взамен промышленные товары, сеявшие знание и культуру по всей стране, по всему миру. Долгие годы совершался этот великий переворот, и вдруг...

Беспощадный циклон кризисов смял и остановил экономическую жизнь страны, остановил транспорт. Стихла жизнь под титаническими сводами колоссальных, всегда бессонных вокзалов. Прежняя неумолкаемая симфония звуков, криков, свистков и гудков локомотивов сменилась гулкой тишиной. Лишь изредка, раз-два в день, прорезывалась она одиноким, отрывистым вскриком локомотива. Уходящие в бесконечность полосы рельс уже не оглашались больше лязгом колес и в ленивом отдыхе заросли травой, потому что лишь на магистралях поддерживалось движение: один-два поезда в сутки...

По гладким полотнищам великолепных шоссе все реже и реже проносились автомашины. Движение сокращалось, как пульс умиравшего, даже гораздо быстрее, — вдвое, втрое, впятеро, вдесятеро, — и с каждым днем все меньше и меньше автомашин пробегало по дорогам... Колоссальные центры разобшились со страной, великий круговорот был резко нарушен, города очутились перед призраком голода. В паническом ужасе, спасаясь от голодной смерти, население, как гонимое бурей, бежало из городов-гигантов, где не было ни работы, ни хлеба...

По гениально задуманному и блестяще выполненному плану, финансовая олигархия, захватившая власть, стремительно вошла в соглашение с вождями самой сплоченной, но и самой консервативной рабочей организации, «Всеобщей Прогрессивной Федерации Труда», предоставив работу всем ее членам, полутора миллионам высококвалифицированной «рабочей аристократии», на продолжавших работать предприятиях. Массы же остались за бортом. Вожди еще раз изменили массам...

События разворачивались с потрясающей быстротой и силой. Обманутые и отчаявшиеся массы устремились на борьбу... Волна, восстаний покатились по стране... Но массы, были разрознены, не было вождей, — и это была самая трагическая страница борьбы. Орлиные крылья и беспомощность паралитиков. Подготовленная к событиям олигархия с первых же шагов обезглавила пролетариат. Лучшие, преданнейшие вожди рабочего класса исчезли за решетками тюрем или в никому неизвестных могилах. Легионы провокаторов, шпионов и предателей, рыскали по стране, выдавая каждый шаг, направленный к объединению. Стальной, беспощадной рукой финансовая олигархия тушила пожары восстаний, со стихийной силой разгоравшиеся повсюду...

Борьба вспыхнула с дикой, стихийно-могучей силой. Под гул орудий, под взрывы бомб, взметнулись высоко к небесам полотнища алых знамен. Заглушала стоны, хрип и предсмертные проклятия умирающих, среди ужаса и крови, могучим напевом полились мятежные песни ненависти и борьбы. Безумие и ужас окутали страну... От несмолкаемых раскатов взрывов и выстрелов стонала и содрогалась земля. Заливаемая кровью, страна захлебывалась и изнемогала. Люди стряхнули с себя маску цивилизации и обратились в зверей. Не щадились ничто и никто... Запылали города, деревни, фабрики и заводы, опустошались целые области. В кровавой борьбе за власть были обращены в груды развалин огромные города, гигантские фабрики и заводы, были уничтожены несчетные богатства, созданные многими поколениями. Целые миллионы людей погибли в этой борьбе, и лишь чудовищным террором удалось буржуазии удержать власть в своих окровавленных руках.

Стихла бойня и тогда, под железной пятой олигархии, жизнь понемногу начала вступать в свою колею. По «Стена Смерти» произвела глубокий социально-экономический переворот в жизни страны. Население, промышленность, культурно-политическая жизнь, — все это устремилось с окраин вглубь страны. Окраины пришли в упадок и запустение, зато головокружительно-быстро расцвел и возродился центр страны. Бывшие штаты Теннесси, Кентукки, северная часть Алабамы и Джорджии, — вот куда переместился центр

тяжести новой цивилизации, и здесь со сказочной быстротой разрослись старые города, лихорадочно-быстро строились новые, а среди них, как бриллиант меж стеклышек, сверкал Гениополь. Он был столицей «Страны Молчания» (вернее се правителей), центром всей политической и экономической жизни страны, и в то же время это был самый разнузданный и развратный город, какой только знал мир, город, своим порочным блеском затмивший далее Нью-Йорк в годы самого пышного его расцвета...

(Продолжение в №2)

ЛОВЛЯ СЛОНОВ

Уже в древние времена слонов ловили, употребляя их в мирное время для тяжелых работ, а в военное для сражений.

В средние века отдельные экземпляры этих животных иногда привозились в Европу. В наше время это случается особенно часто, так как звери требуются теперь для зоологических садов и т. д.

Слоны в зоологических садах выглядят довольно-таки безобидно-, но не надо забывать, что сюда попадают обыкновенно уже не дикие, а усмирненные животные.. На свободе же слон, наоборот, весьма опасное животное.

Способы ловли слонов живьем в каждой местности и стране различны. Этим делом больше всего занимаются в Индии, где имеются даже специальные охотники за слонами.

Иногда отправляются на ловлю только двое таких охотников; они выбирают из всего стада одного слона и накидывают ему на ногу петлю из буйволовой или оленьей кожи. Обыкновенно же употребляется другой спо-

соб. Целое стадо слонов заманивается на особо приготовленное место и там запирается. На расстоянии, длиной в несколько километров, устанавливаются загонщики, которые с криками, факелами и огнем гонят слонов в определенном направлении.

В это же время на определенном месте делается особое ограждение, «Кедда». Ров с водою пересекает огороженное место, так как вода особенно прельщает слонов. Оттуда дикие слоны загоняются через одни или несколько ворот в узко огороженное место, из которого они на волю вырваться не могут. На изгороди сидят несколько загонщиков, чтобы предохранить ее от разрушения. Падающая дверь захлопывается стоящим поблизости или спрятанным на дереве сторожем.

Здесь в этой ловушке связывают диких слонов одного за другим и при помощи домашних собратьев отводят их в лес. Животные крепко привязываются к деревьям и только тут начинается их усмирнение. Здесь, в продолжении нескольких недель, слон бушует до того, что в изнеможении опускается на колени. Но постепенно он привыкает и. прирученным «слонам, к людям и новой обстановке. Только после того, как он по окончании нескольких недель перестанет быть таким диким, он переводится на особый двор, где окончательно и приручается.

Дикого слона всегда ведут сначала между двух прирученных В «некоторых частях Индии охота на слонов ведется государством. Там ловля слонов опасной не считается, так что даже для важных гостей устраиваются трибуны.

В Сиаме, «стране белого слона», ловля слонов является прямо-таки народным праздником, к которому со всех сторон стекаются тысячи людей. Ловля длится иногда несколько недель, так как слоны стоняются несколькими сотнями с громадных пространств.

Удивительно, как колоссальные животные позволяют себя выгонять из джунглей и заходить в определенные места; но еще удивительнее то, что прирученные слоны не имеют никакого желания перейти на сторону своих диких собратьев и вновь возвратиться к своей первоначальной-свободной жизни.

САМАЯ ПОРА.

Рассказ Х. Пендекстера.

Это было в ту пору, когда через Канзас проводили железную дорогу, в конце которой вырастали крошечные пограничные города Атчисон, Топека и Санта-Фе. В каждом городке открывались кабачки (салуны), игорные дома и танцульки. И каждый из таких городков на короткое время считал себя самым оживленным центром по всей линии железной дороги.

Конечно, почти все эти железнодорожные поселки всячески стремились оправдать свое название города, но только одному из них удалось, действительно, стать оживленным и в достаточной мере населенным городком. Это был Невтон, который в 1871 году превзошел все ожидания и стал не только центром железнодорожной постройки, но и новым конечным пунктом для скотоводов Техаса, гнавшими сюда свои стада. Правда, заслуженная репутация города сопровождалась такими бесчинствами, которыми Невтон заткнул за пояс другие пограничные городки.

Джо Лоуз со своей миловидной женой держал здесь маленькую столовую. Правда, жену его, Мэри, тамошняя жизнь настолько устарила, что она сразу же заговорила об отъезде. Она настаивала на обратном возвращении к себе на восток, а он указывал на необходимость использовать здешнюю удачу. Ведь было бы глупостью бросить такое прибыльное дело.

Правда, он и сам чувствовал себя неважно в этом городе, наполненном игроками и всевозможными отпетыми людьми, из которых каждый гордился своей скорострельной меткостью. Ему становилось ясным, что и жене его далеко не безопасно жить среди этой мешанины буйных отщепенцев. Если до открытия своей столовой Джо считал себя способным постоять за свое добро, то его самоуверенность несколько поколебалась, когда появилась первая партия диких скотоводов с их сорока тысячь голов. Жизнь города и без того богатая разными дикостями Обогадилась еще новыми кровавыми выходками. Эти техасцы то и дело stalkивались с канзаскими авантюристами и выстрелы так и сыпались не только на улицах, но и в разного рода заведениях. Ежедневно подбирали мертвыми даже и знаменитых стрелков. Джо понял, что шестизарядный револьвер является здесь единственным законом, а потому и предложил своей жене вернуться одной на восток.

— Я не поеду, если ты сам не двинешься! — услышал он решительный ответ. Девичья фамилия ее была. Барнер, а у всех Барнеров слово не расходилось с делом.

Мысль о богатой ежедневной выручке заставила его все же повременить с отъездом.

— Быть может худшее уже позади. Когда железная дорога дойдет до соседнего города, здесь станет более спокойно. А его уже назвали Ларнедом, этот новый город.

— А когда все бросится в Ларнед, разве ты не тронешься туда же? — спросила Мэри,

— Не думаю! Отсюда мне хотелось бы поехать обратно на восток. Здесь жизнь становится что-то уж очень грубой. Вчера шальной пулей из танцульки Тима уложили на улице женщину. А ведь пуля могла угодить и в тебя, Мэри. Я хотел бы, чтобы ты вернулась обратно.

— Нет! — спокойно заявила она. — Разве мое беспокойство о тебе хуже в чем-нибудь твоего беспокойства обо мне?

— Ну, ладно! Подождём еще несколько дней и посмотрим, не станет ли тише. По ты не должна выходить на улицу без меня.

— Да я и не выхожу, разве только в соседнюю лавочку.

Жизнь этой женщины походила на какое-то заключение. Столовая наполнялась народом поздно вечером и она приходила сюда только в утренние часы. Собственная жилая комната находилась за столовой, отделяясь от последней тонкой перегородкой. Мэри ненавидела свою комнату: громкая болтовня пьяных головорезов часто вызывала краску на ее лице и она подолгу лежала в кровати, зажав уши подушкой. Она утаивала от мужа эти мучения из боязни, что Джо начнет круто пресекать «вольные» разговоры и тогда неизбежно в столовой раздадутся выстрелы.

Однажды, в ночную пору Джо был тяжело оскорблен верзлой-пастухом, у которого на поясе болтался два револьвера, а мексиканская шляпа была лихо задрана на затылок. Оскорбление сопровождалось громовым смехом товарищей пастуха. Джо молча проглотил обиду. Само-

уважение требовало от него, чтобы он ответил дерзким вызовом, хотя бы под угрозой очутиться под дулом револьвера. Но там, в задней комнате, находилась его жена.

Когда воинственная компания оставила помещение столовой, он пошел в жилую комнату, бросился на кровать и разрыдался. Жена утешала его, верхнее, пыталась утешить, указывая, что грязные слова не могут оскорбить его.

— Но они оскорбляют все-таки! — воскликнул он. — О, если бы ты вернулась к себе в Бурмингейм, а я бы так же ловко владел револьвером, как Хэнс!

Она разом вся побледнела, а глаза расширились от старой, затаенной боли. Тогда он разом раскаялся и почти позабыл о своей оскорбленной гордости.

— Я не хотел обидеть тебя, дорогая! Ведь твой брат был бы находкой для нас в этой трущобе. И тот длинный чорт никогда бы его так не облаял, как меня.

— А до чего довела Хэнса его необузданность? — прошептала она. — И если бы он был здесь этой ночью, чем бы все это кончилось? О, Джо, лучше бы ему умереть, когда он был еще мальчиком!

Джо принял за защиту своего зятя, которого он никогда не видал, но который заполнял собою в течение двух лет самую дикую летопись здешних диких мест.

— Хэнс Барнер, — сказал Джо, — мог бы защитить не только себя, но и жену, если бы она была у него.

— Заботясь о себе! — воскликнула она печально. — А ведь он еще безусым юнцом вынужден был уже скрываться.

— И все же он не потерпел бы того, что мне пришлось услышать сегодня! — горестно настаивал он.

Мэри чуть не проговорила о том, что приходилось ей выслушивать за тонкой перегородкой, но во время спохватилась и только страстно настаивала:

— Возьми меня отсюда! Отправимся на восток! Теперь же! Бросим все!

Речь зашла опять о его деле и он усмирив свой гнев, принявшись рассуждать более хладнокровно и обдуманно:

— Ну, я жив пока и еще сумею расплатиться. Я не ношу оружия и техасский вонючка знал это, имея за поясом два револьвера.. Грязный трус! Эта зловонная накипь скоро уберется отсюда и здесь станет спокойнее. Мы же не двинемся дальше вслед за строящейся дорогой. Дождусь выгодного предложения и тогда оба вернемся на восток.

В течение нескольких последующих дней в столовой не произошло никаких событий. Техасцы разъезжали победителями по городу, а канзасские стрелки решили доказать свое превосходство над пришельцами. Каждая партия сопепа и фыркала перед готовящейся битвой и каждая надеялась на безусловный перевес.

Джо прислушивался к разговорам и окрылялся надеждами. Идеальным завершением всей распри было бы взаимное истребление обеих партий. Он надеялся, что длинный верзла не осчастливит тогда своим посещением его столовую. Джо зачастую представлял себя поднимающим за прилавком свой револьвер и стреляющим в ненавистного техасца, а затем он сам падал под выстрелами его товарищей. Образ высокого человека с задвинутой на затылок шляпой, с обветренным лицом, похожим на красную маску, не выходил из его головы. И то, что из-за него он избегал показываться на улице, жестоко хлестало гордость Джо. Это было постыдно, но... у него была Мэри.

Когда стычка между техасцами и канзасцами сделалась неизбежной, то первые перестали носиться по городу и разбили свой лагерь. Услышав это, Джо рискнул показываться на улице в после-обеденное время или поздно вечером, радуясь своей свободе передвижения. А затем настал день, когда войдя в свою столовую, он весь похолодел от ужаса: его жена стояла на пороге своей комнаты с безумными глазами, держа в своей руке револьвер.

Он бросился к ней с заглушенным криком, она же сначала посмотрела на него, словно не узнавая. А затем показала на пол. Его глаза также широко раскрылись, как и у нее, когда он увидел темное пятно.

— Что случилось? — воскликнул он, еле переводя дух.

— Он подошел к двери! — выкрикнула она. — Он пытался войти и я выстрелила в него.

— Ты убила? — прошептал он.

Медленно, медленно покачала она головой и вернулась в свою комнату. Он последовал за ней и закрыл дверь.

Осторожно положив револьвер на скамейку, она продолжала держать перед лицом свою руку с судорожно растопыренными пальцами.

Он схватил ее за плечи сильно встряхнул и спросил хриплым голосом:

— Кто? Кто? Кто?

Она подошла к умывальнику и принялась старательно мыть свои совершенно чистые руки. Он уставился и ждал.

— Высокий техасец! — ответила она.

Он прислонился к тонкой перегородке и, уставившись на противоположную стену, увидел в двери несколько продырявленных пуль отверстий. «Теперь самая пора» — сказал он себе, — достать лошадь и, отправившись в лагерь техасцев, свести последние счета». — Правда, он уже не вернется оттуда, но здесь такой случай, когда мужчина должен «ити, не задаваясь вопросом о возвращении. С лег-

— Ты можешь продать его! Стильвель охотно купит столовую. И брось это дело, все брось, чтобы только освободить меня!

— Идет, родная! Только возьми себя в руки. Я покончу со Стильвелем хотя и потерю изрядно. И тот человек больше не придет. Как только тебе станет лучше, я пойду и закончу сделку.

— Мне уже лучше! — уверяла она. — Когда мы сядем в вагон, наступит самый счастливый момент моей жизни. Посмотри, моя рука уже не дрожит. Страх оставил меня. Иди же! Отдавай или продавай, но только возвращайся скорее.

— У меня еще уйма времени! — успокаивал он. — Я должен действовать так, чтобы никто не заметил нашей спешки. Да никто теперь и не побеспокоит тебя за время моего отсутствия.

-- Но они оскорбляют все-таки! — воскликнул он.

кой нервной дрожью, которую он пытался скрыть подергиванием плеч, взял от жены полотенце и нежно вытер ее изящные руки. Голос его был совершенно спокоен, когда он спросил:

— Куда ты попала в него?

— В левую руку. Он стоял и обертывал ее, заявив, что скоро вернется обратно.

Джо испугал ее голос и равнодушное выражение лица.

— Мэри, успокойся! — резко сказал он. — Возьми себя в руки! Он не будет приставать к тебе, он не займется сюда больше!

— Он сказал, что вернется, — повторила она монотонным голосом. — Расправится сначала с тобой, а затем увезет меня.

Она прижала руки к своему рту, чтобы заглушить невольный крик. Она упала бы, не схвати он ее за руки. Уложил на кровать и сказал:

— Я сбегая за доктором. Один тут живет...

— Нет, нет, не оставляй меня!

— Мэри, я должен сходить за доктором. Ты страшно напугана. Ты прогнала негодяя, ко не убила его. Успокойся!

— Обещай мне, что сегодня же ночью ты поедешь со мной на восток! — прошептала она.

— Значит, я должен бросить на ветер свое дело?

— Дорогой, я была слаба и глупа. А теперь совсем оправилась. Не упрячься же и иди! Я буду спокойна!

Он взял ее за руку и она подумала, что он все еще сомневается в ее самочувствии. Он долго и задумчиво смотрел на нее, а затем, крепко поцеловав, отправился. Задержавшись у прилавка в столовой, оглянулся на закрытую им дверь, взял свой револьвер и запихнул его под куртку.

Он быстро прошел по грязной улице мимо лавки Стильвеля и направился к постоялому двору, где надеялся достать лошадь. И все время одна и та же мысль долбила его сознание: «Ты должен итти, если даже и не вернешься обратно. Ты не можешь вернуться, теперь самая пора».

Словно в забытии он слышал самого себя, нанимающего лошадь и предлагающего за нее залог. И словно голос издали отвечал ему:

— Да что с вами, Лоуз! Не намереваетесь ли вы похитить мою лошадь? Ладно, ладно! Я оставлю ваш залог до вашего возвращения.

Джо очутился в седле и выезжал из города. У него не было никакого плана и он не чувствовал никакого страха. Он шел навстречу неизбежному. Чувствовал жар и холод. Все мысли были направлены к лагерю ковбоев-техасцев. Он утратил всякое самочувствие, он перестал даже быть

самим собой, прислушиваясь к одному и тому же внутреннему голосу: «Ты не можешь вернуться, ты должен итти».

Все способности ушли в одну мысль и он едва сознавал окружающее. Вдруг он почувствовал, что коня его кто-то схватил за узду и одновременно услышал настойчивый окрик:

— Что вы оглохли что ли или онемели?

Взглянув на человека, стоявшего у головы лошади, он спокойно, спросил:

— Что вам нужно? И почему вы останавливаете меня таким манером!

— Я покупаю вашу лошадку, незнакомец! Спрыгивайте и поживе.

Джо всматривался в остановившего его человека. Тот был приблизительно в его годах, стройный по фигуре, за поясом два револьвера с ручками из слоновой кости. Ему показалось, что он уже где-то встречался с ним, но его ждало срочное дело и он не стал любопытствовать.

— Вы намерены взять мою лошадь?

— Дьявольски в ней нуждаюсь, дорогой мой! Называйте свою цену и я уплачиваю, — Одной рукой он держал за костяную ручку свой револьвер, а другой отсчитывал золотые монеты. — Скорее же, у меня времени в обрез.

Джо не почувствовал злости к незнакомцу. Вся сила его ненависти сосредоточилась на техасцах.

— Я отказываюсь продавать! — сказал он. — И вы не сможете взять мою лошадь силой.

— Ошибаетесь, я во что бы то ни стало возьму вашего коня.

— Теперь самая пора и мне никак нельзя возвращаться! — пробормотал Джо, и, подняв глаз, заметил вдали дымок от лагеря техасцев.

— Значит и вам приспичило?.. Идут по следу? Вот по той же самой причине и мне нужна лошадка! — добродушно засмеялся незнакомец.

Джо подумал, что ему незачем так спешить к лагерю ковбоев. Незнакомец мог просверлить его и быстро снять с седла, прежде чем он вытащит свой револьвер. Да и убивать его не было никакого желания. Во всем мире для него существовала одна только обида его жены,

— Если вы последуете за мной с четверть мили, — а я поеду медленно. — то я отдам вам эту лошадь.

— Что за чорт! Куда вы клоните? — резко спросил незнакомец.

— Я направляюсь к лагерю техасцев. Мне нужно найти там одного человека и прикончить его. Он оскорбил Мэри, мою жену.

Незнакомец был явно озадачен.

— Вы намерены в одиночку затеять драку со всей их партией? — спросил он с любопытством,

— Да.

— Вы, однако, занятая птица! А как вас зовут?

— Лоуз, Джо Лоуз.

— О, Лоуз! Так это он! — пробормотал незнакомец. — И откуда вы, мистер Лоуз?

— Приехал по железной дороге, с востока. Открыл столовую. Пастух обругал меня на-днях и я смолчал из-за жены. Сегодня, когда меня не было дома, он пришел и оскорбил мою жену. Она прострелила ему левую руку, а сама чуть не помешалась.

— Ваша жена Мэри, Мэри Лоуз?

— Ну, да! Я уже говорил вам. Я обещал ей немедленно вернуться на восток и она уверена, что я занят сейчас продажей своего дела. Конечно, она не могла бы понять, что должен в первую голову сделать ее муж. Да я и не пытался ей объяснить это. Теперь вы понимаете, почему я не могу отдать вам этой лошади. Мне нужно открыто въехать в лагерь и расквитаться с обидчиком, прежде чем меня изрешетят его товарищи.

— Понимаю, понимаю, воинственный Джо Лоуз!

— Нет, нет! — серьезно ответил Джо. — Я отнюдь не воинственен. То, что я намерен теперь сделать, я сделать обязан, хотя это и не по моей части.

Незнакомец кивнул головой в знак согласия и, все еще продолжая держать узду, повернулся на запад.

— Да, я вижу дым от их костров! — сказал он и добавил: — Я горд встречей с воинственным Джо Лоуз, но попросил бы его направить свои взоры чуточку к югу... Не; техасцы ли там едут?

Джо взглянул и увидел изрядную кучу всадников, направляющихся к городу. Они оставили лагерь, пока он толковал с незнакомцем. Он призакрыл ладонями свои глаза, чтобы лучше разглядеть того, кто ехал впереди.

— Проклятие! Вы задержали меня, а они направляются к моему дому! Во главе как раз он сам едет. Убирайтесь же или...

Он не успел закончить своей угрозы. С невероятной быстротой незнакомец вышиб его из седла, засунул руку под его куртку и вытащив оттуда револьвер, швырнул его далеко в сторону. Затем он в одно мгновение очутился на лошади и понесся наискось к городу, чтобы добраться до него быстрее техасцев. И пока он несся, неустанно повторял:

— Самая пора, самая пора! Надеюсь, все кончится благополучно.

Техасцы не спешили, а потому и не обратили никакого внимания на быстро опережавшего их с левой стороны всадника, который в свою очередь, даже не взглянул на них. Когда он въехал в город, то остановился у ближайшей лавочки и спросил, где помещается столовая Джо. Ленивой походкой направился в указанном ему направлении и, дойдя до лавки Стильвеля, заглянул сначала через окошко, а затем вошел. Когда к нему вышел хозяин, коротко объяснил:

— Я от Джо Лоуза! Несколько техасцев только что приехали в город, злоумышляя на его жену Мэри. Он хотел бы укрыть ее в вашем помещении, пока их не вышибет от себя. Они должны быть здесь сию минуту. Проведите ее к себе через задний ход.

Стильвель, с возгласом испуга, разом выбежал из лавки, а прибывший спрятался за углом дома и с напряженным любопытством смотрел, как хозяин лавки быстро выводел из столовой молодую женщину. Затем поглядел вдоль улицы и заметил девять техасцев.

Нагнувшись, он быстро добежал до черного хода столовой и вошел в нее. Слуга-мексиканец быстро понял с его слов развертывающиеся события и исчез с быстротой молнии.

Тихо насистывая, незнакомец достал из прилавка передник и, натянувши его, закрыл им два револьвера. Затем он открыл дверь жилой комнаты и в течение нескольких секунд осматривал ее. Вернувшись в столовую, встал за прилавком, высовывая под передником два револьвера и, беспечно прислонившись к прилавку, стал ждать.

Пять техасцев сошли с лошадей и пересекали улицу. У жоака на левой руке виднелась повязка.

— Самая пора! — пробормотал человек за прилавком, пряча руки под передник. Он стоял у прилавка в небрежной позе, когда дверь шумно раскрылась и в помещение ввалился длинный техасец с четырьмя товарищами. Он взглянул на человека за прилавком и принял его за слугу.

— Я выволоку ее, а вы обработайте этого парня, если он вмешается в игру! — сказал верзила своим спутникам. Большими шагами он двинулся через столовую к жилой комнате дома.

— Что вам угодно? — вяло протянул человек за прилавком.

Длинный не обратил на вопрос никакого внимания, но его кривоногий товарищ засеменил иноходью вперед. Послышалось металлическое «клик-клик». Длинный резко, повернувшись, обозленный неожиданным сопротивлением. Из-под передника выснулась рука с револьвером. С криком бешенства техасец схватился за свой кольт, но едва успел дотронуться до него, как раздался выстрел и его высокая фигура уже растянулась на полу.

Раздался второй выстрел кривоногого. Слуга пошатнулся, как от тяжелой раны, но уложил кривоногого на месте. Заработали колты остальных техасцев, а человек продолжал стоять у прилавка, быстро отвечая на выстрелы с убийственной меткостью.

Когда Джо с каким-то другим человеком, запыхавшись, вбежал в свою наполненную порохом дымом столовую единственный живой еще свидетель этой ужасней трагедии лежал поперек прилавка. Увидя входящего одновременно с Джо человека, он сделал тщетную попытку спустить курок в револьвере, находившемся в его левой руке. А затем слабо улыбнулся и приветствовал:

— Здорово, шериф!

Джо дикими глазами глядел на бойню, а шериф бросился к прилавку и вырвал из слабо сопротивлявшихся рук два револьвера.

— Хэнс Барнер, вы надули меня! — крикнул он. — Вы умираете?!

Шериф схватил его и бережно положил на пол.

— Хэнс Барнер? Брат Мэри? — судорожно бормотал Джо, бросаясь к прилавку.

— Неважный брат! — ответил тот, продолжая улыбаться.

— Он один ограбил тихоокеанский поезд! — сказал шериф.

— Боже мой! — воскликнул Джо. — Сюда придет сейчас Мэри, моя жена, а его сестра.

Барнер сделал напряженное усилие.

— Я умираю! — обратился он к шерифу. — Добыча у вас в руках. Имейте же жалость к моей сестре.

Мэри Лоуз входила в столовую и резкий крик готов был сорваться с ее губ, когда она заметила мужа.

— Твой брат Хэнс выдержал битву за меня! — сказал он ей и повел к прилавку.

Она слабо вскрикнула, увидев Хэнса, а затем опустилась на колени и положила на них его голову.

— Мой маленький братец, мой братишка! — застонала она, склонившись над смертельно раненым.

ров. Когда Джо кончил, шериф подошел к убитой горем женщине и, перебирая пальцами свою шляпу, обратился к ней:

— Ваш брат храбрый парень. Правда, он был несколько

...а вы обработайте этого парня, если он вмешается в игру!

— Уложил несколько вонючек. Полагал, что мог немного помочь вам, узнав о всем происшедшем. Выучил их не оскорблять свою сестру. Самая пора...

Смерть прервала его речь, оставив на лице слабую усмешку.

Тем временем Длю отвел шерифа в сторону и что-то быстро ему зашептал. Тот слушал его с застывшим, неподвижным лицом. Он мог бы сообщить Джо, что его зять, живой или мертвый, был оценен уже в пять тысяч долла-

беспечен, но прямой и отважный стрелок. Многие о нем не жалеют.

— Он был хорошим братом! — всхлипывала Мэри. — Это он послал соседа, чтобы спрятать меня. А затем пришел сюда, чтобы одному сражаться против всех.

Шериф знаком пригласил Джо следовать за ним и, остановившись на пороге, сказал ему:

— Послушайте, если вы ее сразу отправите на восток, она никогда не узнает, кто был в действительности ее юный брат.

Откуда взялся большой формат газеты?

Все газеты до XIX века имели маленький формат, размером в большую книгу. Когда же в Англии был введен штемпельный сбор по числу страниц или полос, а не по величине самой страницы, газеты резко

увеличили свой формат. Дело дошло того, что самая распространенная английская газета «Тайме» стала выходить размером 124 X 62 см. Это самый большой формат, какой достигала когда-либо газета

Очерк М. Ильина.

Рисунки Н. Дормидонтова.

Недавно тов. Осинский выдвинул проект, который сразу привлек широкое общественное внимание.

Проект тов. Осинского ставит перед нами задачу автомобилизации СССР, перехода от гужевого транспорта к моторному, от старой проселочной дороги к широкому, удобному шоссе.

Проект этот уже начинает реально осуществляться. Создано „Общество друзей автомобиля“ идет разработка вопроса о постройке в СССР в ближайшее время двух новых автомобильных заводов.

Желая подробно ознакомить наших читателей с тем огромным будущим, которое имеет перед собой автомобиль, мы печатаем ниже очерки М. Ильина „БУДУЩЕЕ АВТОМОБИЛЯ“.

А ГДЕ ЖЕ ЛОШАДЬ?

Возьмите самую обыкновенную извозчицью пролетку, уберите оглобли и пристройте как-нибудь между козлами и сиденьем мотор. Фантастический экипаж, который вы таким способом соорудите, будет как две капли воды похож на первый автомобиль, построенный Даймлером лет сорок тому назад.

Даже теперь, когда экипаж без лошади стал обычной вещью, изображение Даймлеровского автомобиля, попадающееся в старых журналах, вызывает недоумение.

— Где же лошадь?

Кажется, будто эти солидные люди в котелках выволокли из каретного сарая коляску, уселись в нее и играют «в извозчика», как маленькие дети. Но приглядитесь внимательнее: тот, который сидит на козлах, положил руку на рукоятку, заменяющую руль; а между сиденьем и козлами торчит цилиндр мотора.

Нельзя сказать, чтобы это был удобный экипаж. Седок чувствует себя в положении человека, везущего на извозчике громоздкий и грязный предмет. Некуда пристроить ноги, а к тому же груз не стоит спокойно: маленький мотор трясется словно в лихорадке и трещит самым неприятным образом.

Во «всем устройстве автомобиля Даймлера видно рабское подражание конному экипажу. Это подражание сквозит и в следующих моделях Даймлера и в первых машинах Бенца. Если бы не мотор и не остальной механизм, вы не отличили бы автомобиля Бенца-Роже от обыкновенной пролетки с откидывающимся верхом, с козлами для кучера и двумя фонарями по сторонам.

Эти первые автомобили напоминают первые поезда, в которых вместо вагонов были прицеплены к паровозам всевозможные экипажи: шарабаны, берлины, фуры, дилижансы.

КАРЕТА БЕЗ ЛОШАДЕЙ И АВТОМОБИЛЬ.

Как это ни странно, подражание конному экипажу сейчас еще сказывается в форме и устройстве автомобиля. Карандашом конструктора до сих пор еще управляет старая и наивная мысль, {которую можно выразить словами:

АВТОМОБИЛЬ — ЭТО КАРЕТА БЕЗ ЛОШАДЕЙ. —

Сравните самый новейший «Форд» с какой-нибудь старинной колымагой. И там и тут — кузов в виде прямоугольной коробки. И там и тут — форма, спереди узкая,

сзади широкая, И там и тут — двигатель, будь то лошадь или мотор, находится впереди, а люди помещаются сзади. Правильно ли такое устройство, такая форма?

Наука отвечает на это: нет, такая форма неправильна. У автомобиля свои задачи и свойства, и форма тоже у него должна быть особенная.

ПОЧЕМУ РЫБА У ГОЛОВЫ ШИРЕ, ЧЕМ У ХВОСТА?

Многие думают, что для того, чтобы лучше рассекать воздух, корпус автомобиля или аэроплана должен быть заостренным опереди. Это заблуждение. Еще 300 лет тому назад знаменитый ученый Декарт доказал, что тупым концом движущийся предмет лучше преодолевает сопротивление воздуха или воды, чем острым. Самая совершенная форма движущегося тела — это форма падающей капли воды. Такую форму имеет и тело рыбы — спереди утолщенное, сзади узкое.

Так ли устроен автомобиль?

У капли воды передний или, вернее, нижний конец толще, задний уже. У автомобиля наоборот. У капли вода нет острых углов, плоских граней. У автомобиля они есть. Ясно, что сопротивление воздуха, которое приходится преодолевать автомобилю, больше, чем могло бы быть. Автомобиль будущего будет напоминать по форме падающую каплю воды. Некоторые гоночные автомобили уже приближаются к этой рыбообразной или яйцеобразной форме.

ЗАДОМ НАПЕРЕД.

Один из конструкторов автомобилей предлагает и другие изменения. Он находит, что мотор следует перенести назад. Это позволит передвинуть сидения пассажиров на самое спокойное в смысле тряски место — середину автомобиля. Будет и другая выгода. В современных автомобилях приходится устраивать длинную передачу от двигателя к далеко отстоящим от него задним колесам. Когда мотор будет перенесен назад, передача сильно, укоротится, и устройство автомобиля станет проще.

Что же в конце концов получится?

Автомобиль будет производить такое впечатление, будто он едет задом наперед. Мотор будет толкать автомобиль сзади, а не тянуть его, как лошадь тянет телегу. Если мы еще не видим таких машин, то только потому, что современные моторы велики и, располагая, мотор сзади, приходилось бы выносить сидения вперед дальше, чем это желательно.

МОТОР ИЛИ ЭЛЕКТРОМОТОР?

Мотор тоже не останется таким, как сейчас. Он велик и тяжел. Регулировать его нелегко. Но хуже всего то, что в современном моторе много частей, движущихся попеременно взад и вперед — поршней и клапанов. А ведь такое возвратное движение очень невыгодно. Гораздо совершеннее — вращательное движение. Паровая турбина с вращающимся колесом «вытесняет паровую машину с поршнем, движущимся взад и вперед. Очень возможно, что И бензиновый поршневый двигатель будет когда-нибудь вытеснен бензиновой турбиной. Но пока такая турбина еще не изобретена, у автомобильного мотора есть только один соперник — электромотор.

Электромотор занимает мало места, работает бесшумно, плавно, Пустить его в ход ничего не стоит. Скорость его легко регулировать. В нем нет никаких поршней, никаких клапанов. Он не отравляет воздух дымом, Все преимущества на его стороне.

Но электромотор не может работать без электрического тока. Чтобы питать электромотор током, надо ставить «а автомобиль аккумуляторную батарею. А батареи эти пока еще очень тяжелы. Батарея для автобуса на 40 человек должна весить чуть ли не 150 пудов.

Это — единственное, что мешает победе электромобиля над автомобилем. Переход от бензина к электричеству возможен пока только для больших машин — электрических — омнибусов. Подсчитано, что «электробус» не только удобнее, но и выгоднее автобуса.

ДОРОГУ АВТОМОБИЛЮ!

Автомобиль — не лошадь. А между тем дороги, по которым ему приходится ездить, построены для лошадей.

Быстро вращающиеся шины поднимают облака пыли и разбрасывают со все стороны песок и щебень. Летом пыль ослепляет глаза, зимой — превращается в грязь. А что такое эта пыль, как не шоссе, развеянное по ветру? Облаков пыли позади автомобиля так же не должно быть, как не должно быть дыма над фабричной трубой. Дорога должна быть устроена так, чтобы автомобиль не разрушал ее или разрушал очень медленно.

Но этого мало. Шоссе, построенные для лошадей, недостаточно широки для автомобилей. Их нужно расширить, но крайней мере, вдвое.

Закругления и повороты слишком круты, их нужно сделать «пологими».

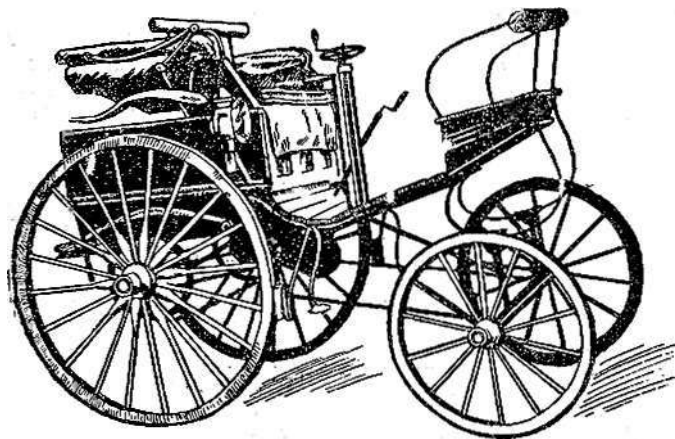
Дороги, построенные для лошадей, пролегают от городка к городку, от деревни к деревне. Местами шоссе превращается в деревенскую улицу. Шофферу приходится замедлять ход, чтобы не задавить свинью с поросятами или зазевавшегося теленка. Этого тоже не должно быть. Автомобильные пути должны обходить населенные пункты.

Автомобиль не лошадь, и нельзя его заставлять вести себя, как лошадь. Только тогда автомобиль будет развивать ту скорость; для которой он построен, когда у него будет своя дорога, куда не будет доступа ни свиньям, ни телятам. Въезд конным экипажам на автомобильные дороги должен быть воспрещен.

Автомобильные пути — для автомобилей и ни для кого другого.

НА АВТОМОБИЛЕ ПО АМЕРИКЕ.

В Соединенных Штатах автомобилей больше, чем в остальных странах, взятых вместе. Чуть ли не у каждой семьи есть автомобиль. Под вечер улицы больших городов загромождены бесконечными, необозримыми веренищами автомобилей. Вот служащий, возвращающийся из конторы вот рабочий, едущий с фабрики, кухарка-негритянка, везущая провизию с рынка, белокурая мисс, совершающая вечернюю прогулку. Шофферов нет — все правят сами. Порядок образцовый. Гудков почти не слышно. Достаточно полисмену поднять палец, чтобы вся вереница автомобилей замерла на месте.

Автомобиль Даймлера

Да иначе и быть не может в стране, в которой на каждый десяток людей приходится два, а то и три автомобиля. Автомобили не только загромили улицы городов*, они усеяли все дороги. Американец, у которого есть автомобиль, не проводит отпуска дома, как это делаем мы. Он не валяется на диване, не играет в шашки, не ходит в кино. Усевшись в свою машину, он отправляется в далекое путешествие.

Перед ним целая сеть дорог — одна другой заманчивей.

Дорога Национальных Парков ведет через самые красивые и дикие уголки Америки. Парки в Соединенных Штатах — это заповедники, сохраняемые в диком, нетронутом состоянии. На территории Парка нельзя строить зданий, нельзя убивать зверей, нельзя ловить рыбу. Это последние крепости природы, устоявшие перед натиском завоевателя человека.

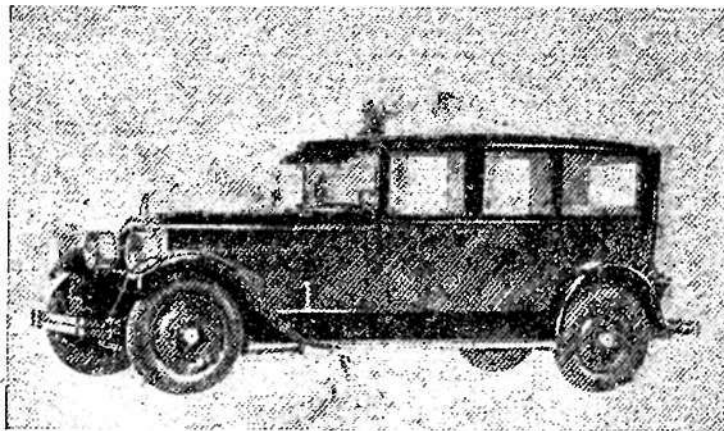
Ледники Парка Монтаны, гайзеры Йеллоустонского Парка, скалистые горы Колорадо и Большого Каньона, — через все эти сказочные дикие места проходит теперь великолепная автомобильная дорога одетая в бетон или асфальт.

Человек, только что сидевший за конторкой на 47-м этаже небоскреба, видит, вокруг себя необозримые равнины, горы, покрытые снегом, слышит шум водопада и могучее дыхание древних, не тронутых никем лесов. К услугам путешественника — гостиницы, или просто палатки, починочные мастерские, бенздохранилище. Есть и другие дороги — в теплую Калифорнию, в Техас, в Канаду, и все они устроены специально для автомобиля.

УЛИЦЫ СРЕДИ ЧИСТОГО ПОЛЯ.

Автомобильная дорога в Америке — это настоящая улица среди чистого поля. Таких чудесных асфальтовых или бетонных мостовых у нас нет и в городе.

По самой середине «линия безопасности» — белая черта, которая делит дорогу на правую и левую сторону. Переезжать черту воспрещается — во избежание столкновений. По сторонам — всевозможные знаки и сигналы. Тут и большие щиты со стрелкой, указывающие путь

Современный автомобиль („Пакар“).

и предупреждающие о поворотах и переездах, тут и столбы с условными знаками — названием дороги. На ровных расстояниях — станции, где путешественники могут найти все необходимое. Дорога нигде не пересекает железнодорожного полотна — она проходит или над ним, или под ним. Для этого построено множество мостов.

По ночам некоторые дороги освещаются лучше наших улиц. На Линкольнской дороге установлены яркие электрические фонари на протяжении тысяч верст.

Таковы американские дороги. По примеру Америки и в Европе строятся автомобильные пути. В Италии, они соединили уже Милан с рядом окрестных городов. Чтобы помешать конным экипажам пользоваться дорогами, по обе стороны устроены проволочные ограждения, а мосты сделаны решетчатыми. Лошадь по такому мосту не пройдет — ноги сломает.

На итальянских дорогах средняя скорость движения доходит до 90—100 километров в час.

И в Германии строятся уже автомобильные дороги. Образовалось общество «Гафраба», которое предполагает соединить автопутем Северное море со Средиземным. Путь пойдет через Гамбург — Франкфурт — Базель (отсюда Гафраба) на Милан и Геную. Если американцы катаются по дороге Национальных Парков, то европейцы будут скоро совершать прогулки в автомобиле по Швейцарии и Италии. Но до этого еще далеко. Европа обнищала и то, что доступно в Америке, недоступно в Германии.

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ АВТОМОБИЛЬ?

На постройку дорог для автомобилей Соединенные Штаты тратят в год больше миллиарда рублей. На производство автомобилей — шесть миллиардов.

Значит, автомобиль обходится Соединенным Штатам в семь миллиардов рублей в год.

На бетон для дорог расходуется четверть всего цемента, вырабатываемого в стране. Миллионы людей работают на автомобильных фабриках.

Но автомобиль требует и других жертв, кроме труда и денег. За 1925 год в Соединенных Штатах автомобилями убито и ранено 702 тысячи человек: 22.000 убитых, 680.000 раненых.

Россия потеряла за всю мировую войну семь миллионов убитыми и ранеными. Сравните эти цифры. Один год пользования автомобилем равен пяти месяцам самой ожесточенной войны.

Автомобиль — это всенародное бедствие, страшнее землетрясений, убийственного холеры, оспы, тифа. Каждый год в Америке один человек отправляется в могилу или в больницу, чтобы двадцать других могли ездить на автомобиле.

НУЖНО ЛИ ЗАПРЕТИТЬ АВТОМОБИЛЬ?

Какой же отсюда вывод? Объявить автомобилям войну, как мы объявили войну холере или тифу? Издать законы, запрещающие пользование автомобилем? Или, может быть, поступить так, как поступили в 1865 году англичане?

В 1865 году не было еще бензиновых автомобилей. Были «дорожные локомотивы» — неуклюжие паровые поковки. Осторожные и благоразумные члены парламента издали «Закон о локомотивах», в котором были следующие пункты:

1. Во время движения локомотива впереди на расстоянии 18 метров должен идти человек с красным флагом. Он обязан предупреждать о приближении локомотива всех едущих верхом и в коляске или идущих пешком.

2. Воспрещается издавать свистки, открывать краны и клапаны для выпуска пара, если недалеко от локомотива находятся люди или лошади.

3. Локомотив должен немедленно останавливаться по первому требованию идущих или едущих по дороге, для чего достаточно поднятие руки,

4. Воспрещается ездить скорее 6 километров в час в деревне и 3 километров в час в городе.

Нарушение правил карается штрафом в 10 фунтов стерлингов. Такой закон означал попросту запрещение дорожных локомотивов

Не следует ли и теперь обязать владельцев автомобилей нести перед своей машиной красный флаг или двигаться медленнее человека, идущего пешком?

Ясно, что на это никто не согласится. Есть другие способы сделать автомобиль безвредным.

КАК ОБЕЗВРЕДИТЬ АВТОМОБИЛЬ?

Прежде всего надо устроить для автомобилей особые дороги, по которым запрещено было бы передвижение другими способами. В городах эти дороги можно провести в воздухе на столбах. Там, где движение особенно, оживленно, необходимы движущиеся тротуары, какие уже на практике испытаны в Париже. Тротуар, передвигающийся со скоростью 10—15 километров в час, заменит сразу и автомобили, и автобусы, и трамваи. Улицы станут провинциально тихими, и только фигуры людей, мчащихся по правой и по левой стороне, будут напоминать о том, что это улицы большого города.

Пока таких тротуаров нет, уличное движение должно быть строго упорядочено. Не должно быть автомобилей, стоящих неподвижно и мешающих другим. Для стоянок, должны быть гаражи, если нужно — многоэтажные. В Америке уже строятся гаражи в 10—15 этажей. Машины подымаются в свои «квартиры» по спиральному въезду или на лифте.

Необходима сигнализация — понятная и заметная/ В Америке выработаны знаки, обязательные для всех.

Горизонтальный ряд огней — значит «стой!»

Вертикальный ряд — «ход!»

Ряд огней под углом к горизонту — «осторожней!»

Дорожные надписи делают черными буквами на желтом фоне. Это сочетание цветов — самое заметное издали. Надписи для пешеходов делаются синими буквами на белом фоне.

Наконец, применяются и автоматические сигналы. Внимание Шоффера останавливают пронзительные звонки, внезапно вспыхивающие лампочки и т. д. и т. д.

Но никакие знаки и сигналы не помогут, если с ними не будут считаться. Необходимо приучить публику и шоферов к строжайшей дисциплине.

10 ЗАПОВЕДЕЙ ДЛЯ АВТОМОБИЛЯ.

В Америке всюду вывешены плакаты с «десятью заповедями для автомобилей». Написаны эти заповеди не таким торжественным языком как заповеди для людей. Но слушаются их гораздо больше.

Вот некоторые из них.

Держись правой стороны. Правая сторона ничуть не хуже левой.

Если ты задавишь ребенка, ты при всех обстоятельствах будешь виноват.

Обращай внимание на сигналы. Они существуют не только для украшения дороги.

Если ты хочешь мчаться во весь дух, включи высшую скорость там, где никого, не сможешь погубить, кроме себя.

Не бери углов и поворотов слишком круто, — это прямая дорога в больницу.

Уступай дорогу другим. В случае столкновения могут быть убитые, а среди убитых можешь оказаться и ты..

Не мешай полисмену, — ему и без тебя не легко...

В результате всей яростной войны с автомобильными несчастными, за последние два года число пострадавших значительно уменьшилось. Людям внушили, что в катастрофах виноват не автомобиль, а они сами.

АВТОМОБИЛЬНОЕ НАВОДНЕНИЕ.

Неудивительно, что к автомобилю даже американцы еще не совсем привыкли. Ведь автомобильное наводнение произошло внезапно в каких-нибудь 10—15 лет. В 1910 г. Форд выпускал 20 тысяч автомобилей и год. Сейчас он выпускает в год 2 миллиона автомобилей.

Кажется непонятным, куда девается такая уйма автомобилей. Ведь автомобиль — не зубочистка, его купит не всякий.

Ответ может быть только один. Автомобиль не дешев, но время еще дороже. Американец не любит терять времени. Я не говорю о деловых людях. Даже трампы, люди странствующие из города в город в поисках работы, не ходят пешком, как когда-то. В каждом городе есть автомобильное кладбище, куда свозят машины, отработавшие свой век. Раздобыть на таком кладбище сносную машину, поправить ее и снова пустить в ход — дело не такое уж невозможное, особенно для трампа. Безнадёжных машин на кладбище нет. Американцы считают, что новый автомобиль обходится дешевле старого.

Форд и другие фабриканты работают во-всю. Новые «Форды» рождаются, старые умирают. Но общее число автомобилей растет непрерывно. В начале 27 года на земном шаре было 27 миллионов автомобилей. Из них 20 миллионов приходилось на Соединенные Штаты. Но Соединенные Штаты занимают только одну семнадцатую часть всей суши. Если бы повсюду люди так же ценили время, как его ценят американцы, на земле было бы не 27 миллионов, а почти полмиллиарда автомобилей.

Да так оно и будет, рано или поздно. И если мы хотим знать, что у нас будет завтра, мы должны посмотреть, что у американцев сегодня.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА?

Автомобиль несет в нашу жизнь тысячу изменений. На наших глазах посреди полей и лесов возникают ярко освещенные, одетые асфальтом улицы. Эти улицы, прямые, как струна, проникают в самое сердце городов, разрушая старые извилистые, переулочки. В Детройте, родине фордовского автомобиля, уже строятся автомобильные дороги, которые расходятся лучами из центра города во все стороны. Если на пути — строения, их сносят.

То, что происходит в Детройте, произойдет и в других городах. Город изменит свою форму. На карте города будут обозначаться звездами — в узлах автомобильных дорог.

Постепенно население будет рассасываться по всей окрестности. Зачем проводить в деревне только отпуск, когда можно жить там всегда, а в город ездить на автомобиле? По дорогам, расходящимся лучами, начнется отлив населения из города в деревню. Автомобиль, как и самолет, несет смерть большому городу, чудовищному скоплению людей, домам-ящикам, домам-пирамидам.

Легкие коттеджи вырастут повсюду, где пройдут автопути. А где только они не пройдут? Они взбегут на горы,

избороздят равнины, пересекут леса. Старые шоссевые дороги, непригодные для автомобилей, исчезнут, как исчезают обмелевшие реки.

Жестокий штурм придется выдержать и железным дорогам. Бой между автомобилем и локомотивом уже идет во многих странах, и больше всего — в Америке.

ВОЙНА АВТОМОБИЛЯ С ЛОКОМОТИВОМ.

Из сражения с лошадью автомобиль вышел победителем. Были пушены в ход и проволочные заграждения по сторонам дороги, и решетчатые мосты, и другие военные приемы. Автомобиль взял реванш за то поражение, которое нанесли когда-то «дорожному локомотиву» сторонники лошади.

Но чем кончится бой с локомотивом?

Сеть автомобильных дорог в Америке растет быстрее сети железных дорог. И это, несмотря на то, что автомобильная дорога стоит не дешевле железной. Чтобы оправдать расходы по проведению дорог, за право езды заставляют платить. Пользование дорогой перестало быть бесплатным как когда-то. И все-таки число автомобилей непрерывно растет.

Местами автомобиль пытается отвоювать у локомотива рельсы. На одной дороге появилось 500 автомоторис, автомобилей, поставленных на рельсы.

Путешественники все чаще предпочитают автомобиль спальному вагону. Грузы, особенно скоропортящиеся, ломкие, ценные, все чаще перевозятся из города в город на грузовиках. Это проще, и скорее, чем по железной дороге, не нужно тщательной упаковки, а самое главное — не нужно перегрузки и волокиты на станциях: груз можно доставить к самому ному. Чем отвечают на это железные дороги?

Тем, что сдают одни позиции, чтобы сохранить за собой другие. Компания Пенсильванской дороги заменила железнодорожное сообщение автомобильным на 33 направ-

лениях, в общем на 1.600 километрах пути. 33 компании пользуются автомобилями для подвоза грузов к станциям. Даже трамвайные общества в городах заменяют на некоторых участках трамвайное движение автобусным.

Какие же позиции остаются за железными дорогами? Перевозки на расстоянии больше 150—200 километров, перевозки людей и грузов там, где движение особенно оживленное.

Автомобиль — не враг локомотиву, а помощник. Вот на каких условиях будет заключен мир.

После короткой, но жестокой борьбы локомотиву придется разделить власть с автомобилем,

«НЕДОСТУПНАЯ ПОЛОСА».

У нас, в СССР, железных дорог очень мало. Но еще меньше дорог, годных для езды на автомобиле.

В пятидесяти верстах от железной дороги часто у нас есть местность, которую называют «недоступной полосой». Это полоса, откуда невыгодно возить хлеб к железной дороге. Расходы по перевозке хлеба на расстояние больше пятидесяти верст так велики, что везти его нет смысла. А это значит, что крестьянину незачем вводить улучшения, незачем выписывать плуг или трактор: все равно хлеб продать будет некому. Да и как проникнет трактор в деревню, которая не связана с железной дорогой ничем, кроме прескверной проселочной дороги? В «недоступной полосе» люди часто не знают, что такое паровоз. Туда не всегда доходит газета, там не видят новой книги.

Это страна, которую нужно завоевать. А для того, чтобы ее завоевать, нужны автомобили и дороги.

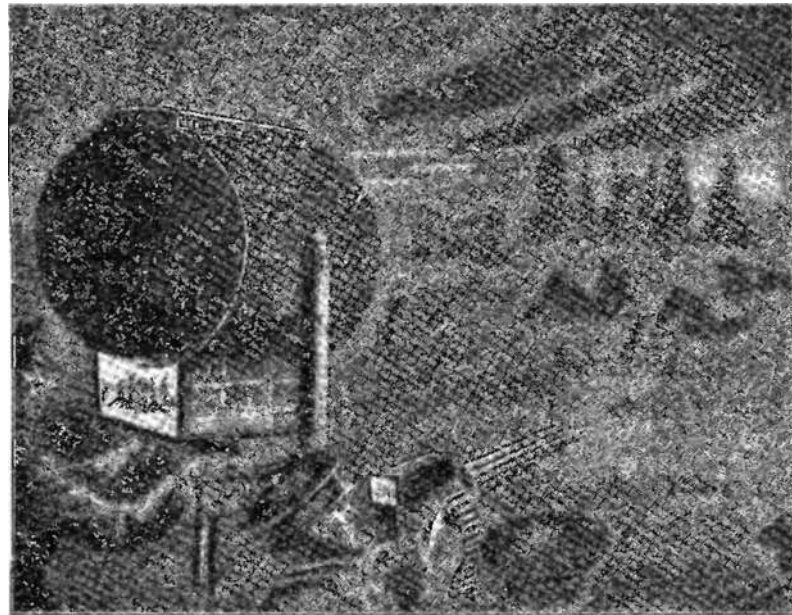
За последние годы и у нас все больше и больше говорят о необходимости провести сеть автомобильных дорог, создать свои автомобильные фабрики.. Кое-что уже сделано и делается. Но работа только начинается. И величайшей из побед одержанных автомобилем, будет победа над нашими глухими ушами, над «недоступной полосой».

КАК МОЖНО ВИДЕТЬ В ТЕМНОТЕ?

Физика учит нас, что свет есть волнообразное движение той еще пока мало исследованной материи, которая называется эфиром.

Каждое светящееся тело приводит эфир в колебательное движение, которое волнами распространяется во все стороны. Если такая волна попадает в наш глаз, то мы чувствуем «свет». Различие цветов происходит от неодинаковой длины световых волн. Если в наш глаз попадает, напр., 400 миллиардов колебаний, то мы ощущаем красный свет, при 750 миллиардов колебания мы чувствуем „фиолетовый“. Наш глаз вообще воспринимает только довольно маленькую часть эфирных волн.

Свет, волны которого имеют меньше 0,33 тысячной миллиметра или больше 0,81 тысячной миллиметра, нами не воспринимается. Наш глаз не чувствует также инфракрасных и ультрафиолетовых лучей. Но фото-пластинка, которая куда чувствительнее глаза, их ясно обнаруживает. В астрономии это свойство

Как представляют себе применение аппарата, при помощи которого можно было бы видеть в темноте.

Американские и английские ученые напали за последнее время на следующую мысль: то, что нам кажется ночью скрытым от наших глаз, все же освещается невидимыми нам лучами.

Инженеру Джону Берд, как будто бы, действительно, удалось обращать невидимые нам лучи в видимые; в итоге мы стоим теперь перед возможностью видеть также и в темноте.

С помощью прожектора, который испускает инфракрасный, а потому и невидимый для нашего глаза свет, предмет освещается. После этого соответствующие оптические фильтры обращают отраженные инфра-красные лучи в лучи для нас видимые.

Изобретатель в первую очередь предлагает свое изобретение применить к военным орудиям, так как с помощью инфракрасных лучей в прожектора можно было бы свободно наблюдать за неприятельскими передвижениями, производимыми под покровом темноты, и открывать по ним соответствующий огонь. Как аппараты построены и как они ра-

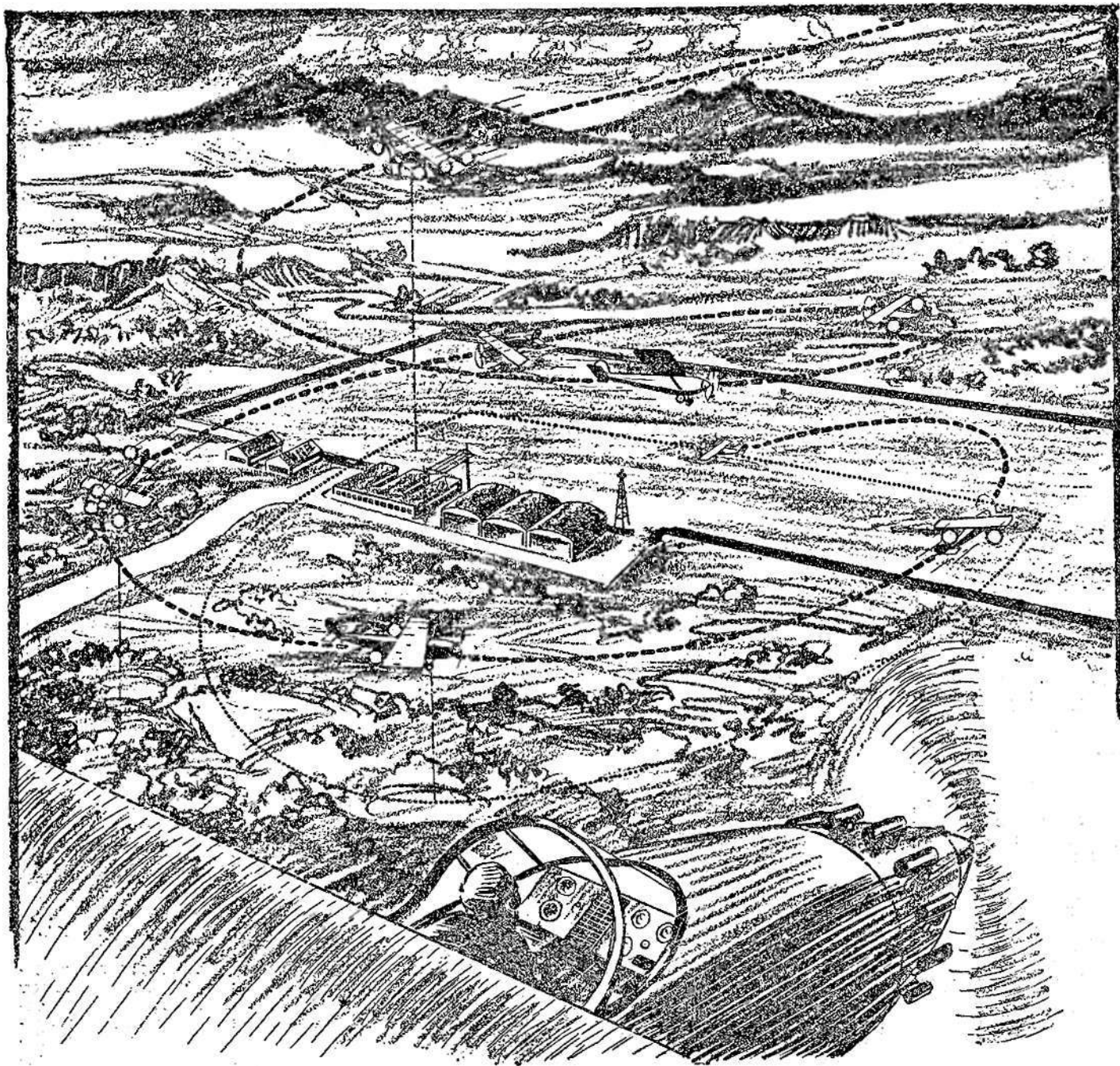
ботают, остается, конечно, военной тайной.

ботают, остается, конечно, военной тайной.

РАДИО-ПОМОЩЬ ПРИ ПОСАДКЕ САМОЛЕТОВ НОЧЬЮ И ВО ВРЕМЯ ТУМАНА

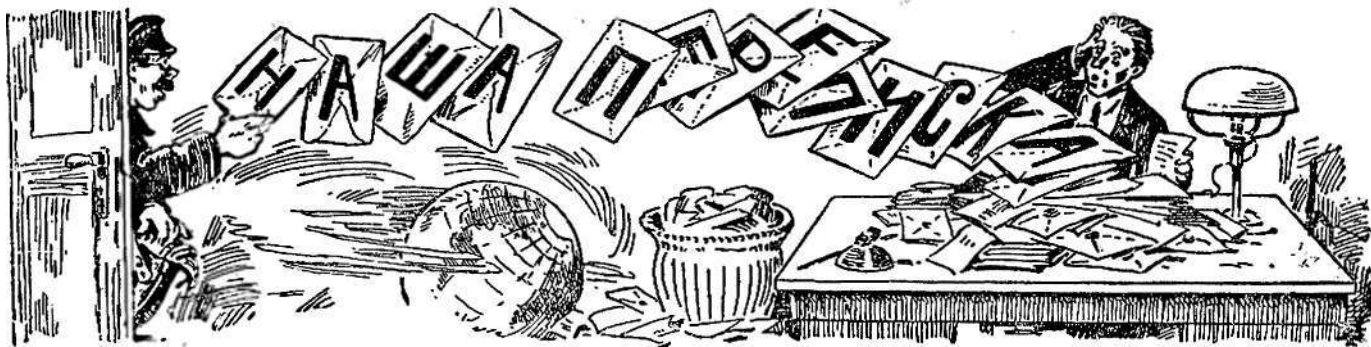
Использование радио-волн, как указателей направления получило широкое распространение в морском флоте, где эти волны играют роль электрического лоцмана при проходе судов ночью и в туманные дни через опасные места. В настоящее время «электрический лоцман» применяется также

сигнальных ламп, зажигающихся в определенных сочетаниях в зависимости от того, идет ли самолет вдоль кабеля или отклоняется от него в ту или иную сторону. Так при правильном ходе самолета одна лампа загорается по левую, другая по правую сторону от летчика, при отклонении же

и в воздушном флоте, давая возможность производить посадку аэроплана на аэродром в любое время дня и ночи, вне всякой зависимости от видимости места посадки. По границам аэродрома проложен кабель, через который пропускается ток, а на самолете перед летчиком имеется набор

влево — три лампы зажигаются с левой стороны и одна — с правой. На иллюстрации эти сигнальные лампы, находящиеся в действительности в кабине летчика, условно показаны белыми кружками по сторонам самолета.

Многим читателям. Небольшое количество оставшихся комплектов «Вокруг Света» за 1927 г., равно как и отдельные недостающие номера можно выписывать из издательства «Красная Газета» (Лгр. Фонтанка, 57), по цене 20 коп. за номер. Пересылка за наш счет. Деньги можно направлять переводом или почтовыми марками.

Предлагающим литературный материал. Редакция принимает отвечающий программе журнала литературный материал при условии его занимательности и художественности. Желательный размер от 1/2 листа до 3/4 листа. Рукописи по возможности должны быть переписаны на пишущей машине, или четким и разборчивым почерком, на одной стороне листа Редакция не возвращает рукописи размером меньше 1 листа и не дает критических отзывов.

О приложениях. Даваемые нами приложения не могут быть заменены другими.

Подписчику из Харькова. Сердечное спасибо за поздравление.

Подписчику № 57, Е. Троепольской и другим. Редакция нашего журнала, помещая иностранные переводные произведения, не имеет привычки повторять их вслед за другими журналами. А потому предлагаем Вам обращаться по этому поводу в редакции журналов, поме-

щающих данные произведения после того, как они уже появились у нас.

Подписчику из Одессы. Помешенная в № 22, заметка «Что изобретать» взята нами из иностранного журнала. Никаких подробностей сообщить не можем.

Г. Слепцову. Смотрите объявление на 3 стр. обложки № 20.

В. (Пучеж) Заграничная печать на русском языке выписывается с особого разрешения.

В. А. Сурьеву и А. Коломийцеву. Роман А. Конан-Дойля «Страна туманов» не выпускается изд. «Красная Газета».

Д. Тагер и другим. В этом году мы вводим шахматный отдел.

Б. Никольскому. Объяснение «Стомахиона» найдете в № 5 за 1927 г. Конкурс этот уже закончен.

И. С. Алисову и другим. На приобретение револьвера нужно получить разрешение от местного ГПУ.

Подписчику № 3785. Помещаемые нами переводные рассказы заимствуются из современной иностранной печати.

М. В. Калашникову. Приводим значение непонятных вам морских терминов.

1) Тент — брезент или брезентовый навес, защищающий от солнца и дождя. 2) SO = Юго-восток. 3) SSO — среднее между югом и юго-востоком направление. 4) Штормовые леера — канаты или веревки, протягиваемые на палубе, чтобы можно было держаться за них при качке.

Подписчику 414. За справками по поводу помещаемых в журнале объявлений, предлагаем обращаться по адресу самих объявителей.

С. Мешкову, Н. Кондратьеву и их товарищам. «Буйную жизнь» Лавренива можно выписать из нашего издательства Цена 75 коп. Насчет продажи радиоприемников на рынке не слышали.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ!

Каждый, собравший девять подписчиков на «ВОКРУГ СВЕТА», имеет право получать десятый экземпляр журнала бесплатно (На тот же срок, что и завербованные подписчики).

(Подробности в № 2).

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОДПИСЧИКИ,

желающие подписаться непосредственно в редакции, вносят подписную плату в отделение

„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

Пр. 25 Октября, д. № 68.

КТО УЧАСТВУЕТ В РОЗЫГРЫШЕ НАШИХ ПРЕМИЙ?

В первом розыгрыше премий (15/III) участвуют:

Годовые подписчики с приложениями и без приложений.
Полугодовые подписчики с 1/I по 1/VII с приложениями и без них.

Трехмесячные подписчики с приложениями с 1/IV до 1/IV.

Во втором розыгрыше (15/VI) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики с приложениями и без приложений.

Трехмесяч. подписчики с приложениями с 1/IV до 1/VII.

В третьем розыгрыше (15/IX) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики (1/VI по 31/XII) с приложениями и без приложений.

Трехмесячные подписчики с приложениями с 1/VII по 1/X

В четвертом розыгрыше (15/XI) участвуют:

Годовые и полугодовые подписчики с приложениями и без приложений.

Трехмесяч. подписчики с приложениями с 1/X по 31/XII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

52 НОМЕРА ЖУРНАЛА

24 КНИГИ ПРИЛОЖЕНИЙ каждая размером от 6-ти до 10-ти печатных листов.

4 РОЗЫГРЫША ПРЕМИЙ: (ВЕЛОСИПЕДЫ, РАДИО-АППАРАТЫ ОХОТНИЧЬИ РУЖЬЯ и т. п.),

3 КОНКУРСА

Подписная цена с приложениями и участием в розыгрыше премий:

На один год	8 р. — к.	На три месяца	2 р. 20 к.
На шесть месяцев	4 р. 20 к.	На один месяц	— р. 80 к.

Годовым подписчикам, адресуемым прямо в издательство, — рассрочка:

При подписке — 2 руб., к 15-му марта — 2 р., к 15-му июня — 2 р. и к 15 сентября — 2 р.

Подписная цена на один журнал без приложений:

На один год	4 р. 50 к.	На три месяца	1 р. 25 к.
На шесть месяцев	2 р. 30 к.	На один месяц	— р. 50 к.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Все приложения на 1928 г. разбиваются на три отдела: первый отведен спорту, охоте, ознакомлению с родной и чужой землей; второй целиком занят серией книжек «По суше, морю и воздуху»; третий започнен романами и повестями лучших э.границных авторов.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ (6 книжек)

Рыболов-любитель. (Увлекательный очерк лесника о рыбной ловле, с рядом практических советов и 3-мя илл.) Озерный край. (Краеведческие очерки СССР. Книжка осветит своеобразие природы и особый уклад жизни нашего озерного края). Наш спорт. (Записная книжка спортсмена на 1928 г.). Современная Америка. (Альбом картин и видов, иллюстрир. жизнь американцев в наше время). Три океана. (История Великого (или Тихого), Атлантического и Индийского океанов, равно как их современное значение в международной жизни) Умелюю рукой. (Что может каждый сделать у себя на дому самыми простыми инструментами).

ВТОРОЙ ОТДЕЛ:

„ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“ (6 книжек).

Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира: В 1928 году в эту серию войдут книжки Флеровского «В страну безмолвия». А. Лебедево «Великие перелеты». А. Гейе «Он искал приключений». Де-Верс-Стэкпул «У тропиков». Ж. Тудуз «Пробудитель вулканов» и друг.

ТРЕТИЙ ОТДЕЛ (12 книжек)

Увлекательные романы и повести видных европейских писателей

К. Хайн: Новые приключения капитана Кэльт. (Нашим читателям хорошо известен этот автор, который дает здесь ряд новых приключений своего героя). З. Грей. На дальнем Западе. (Авто-эпос о американо-американской жизни и дает на романтической основе отчетливый образ любопытный и странной для нас жизни). Е. Д. Биггерс. «Дом без ключа». (Детективный роман. В тропической обстановке Гаваяйских островов разыгрывается увлекательная борьба вокруг загадочн. преступления, убийства). М. Твен. «Янки при дворе короля Артура». М. Твен. Рассказы Г. Флерон. Из жизни зверя. Р. М. Баллантайн. «Коралловый остров». (Приключения трех юношей, выброшенных бурей на необитаемый остров). (Названия остальных книг будут указаны в ноябрьск №№ «Вокруг Света»)

О ПРЕМИЯХ И КОНКУРСАХ:

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

6 велосипедов.	10 столярных наборов.	12 пар лыж.
4 ружья.	10 рыболовных наборов.	12 пар коньков.
4 радио-аппарата.	10 фуфаек и трусиков.	12 электрических фонарей.
10 карманных часов.	10 футбольных мячей.	40 самопишущих перьев.
		60 перочинных ножей.

Все читатели участвуют также в особых КОНКУРСАХ, победители в которых получают:

ПИСЬМЕННЫЕ ПРИБОРЫ ♦ ПОРТФЕЛИ ♦ КОШЕЛЬКИ-ПОРТМОНЭ

или другие вещи, по их выбору.

Заказы и деньги направлять: Ленинград 2, Фонтанка, 57, „ВОКРУГ СВЕТА“